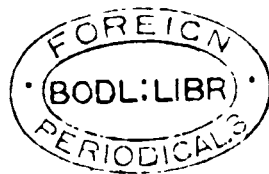

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ,
изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Бочубинскаго.

ОДЕССА.

Типографія П. А. Зеленаго, Красный переулокъ, домъ № 3-я.
1883.

вышелъ 30 сентября 1883 г.

Византийцы въ Южной Италиі въ IX и X вв. *)

Очеркъ изъ исторіи византийской культуры.

Студента М. Брука.

Immer strebe zum Ganzen, und kannst du selber kein Ganzes
Werden,—als dienendes Glied schliess'an ein Ganzes dich an.
Goethe.

Подъ вліяніемъ просвѣтительнаго движенія XVIII в. исторія Византіи и среднихъ вѣковъ была совершенно исковеркана. Наперерывъ другъ передъ другомъ историки стали изображать средніе вѣка темнымъ пятномъ въ исторіи европейской мысли, забывая о той искрѣ классическихъ преданій, которая продолжала глѣть подъ самымъ густымъ покровомъ церковнаго идеализма и суевѣрій. Средневѣковыя общественныя отношенія сдѣлались синонимомъ гнета и рабства, какъ будто рядомъ съ дурными не существовали и весьма симпатичныя учрежденія. Вслѣдствіе этого и революція 89 г., дѣтяще просвѣтительнаго движенія, слесла виѣстѣ съ отжившимъ и то, что было хорошаго въ средневѣковомъ строѣ. Вспомнижъ, что однимъ изъ ея результатовъ было уничтоженіе во всей Европѣ послѣднихъ остатковъ общиннаго землевладѣнія. Но кто станетъ обвинять въ близорукости людей, которымъ пришлось вести ожесточенную борьбу со стариной, противившейся напору новыхъ идей? Только намъ, ихъ потомкамъ, пожинающимъ посѣянное ими, возможно судить объективнѣе и воздавать должное средневѣковой эпохѣ.

*) Отрывокъ изъ сочиненія, удостоеннаго золотой медалію.

Намъ же стало возможнымъ понимать и исторію Византіи. XVIII в. сумѣлъ дискредитировать ее, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ средніе вѣка. Человѣческій умъ той эпохи, стремившійся сорвать съ себя всѣ оковы, не могъ примириться съ политическимъ и религіознымъ деспотизмомъ Византіи, которая и раньше, во времена вѣры, не пользовалась расположеніемъ Запада. Историки прошлаго ¹⁾, а за ними и нынѣшняго вѣка создали взглядъ на Византію, какъ на организмъ, развѣдаемый втеченіи цѣлаго тысячелѣтія неизлѣчимою болѣзнію и заранѣе осужденный на смерть. А между тѣмъ, когда стали вчитываться въ страницы византійскихъ хронографовъ, нашли въ исторіи этой страны смѣну общественныхъ формъ и умственныхъ теченій, т. е. явные признаки жизни. Нашли, что было время, когда византійскій деспотизмъ вводилъ демократическія реформы, когда онъ освящалъ своимъ кодексомъ общинное землевладѣніе и боролся съ крупными собственниками, духовными и свѣтскими. Нашли, что нельзя изучать феодализмъ на Западѣ безъ сравненія съ зачатками феодальнаго строя въ Византіи. Нашли, что Византія испытала грандіозную реформацію съ широкой общественной подкладкой—икноборство. Нашли, что бывали эпохи, когда этотъ хилый старикъ подымался на страхъ врагамъ и давалъ себя чувствовать и христіанамъ, и невѣрнымъ, когда онъ не только ничего не уступалъ изъ своихъ владѣній, но еще расширялъ ихъ силой оружія. Наконецъ, когда узнали, какую борьбу за свое существованіе должна была выносить Восточная Имперія задолго до появленія турокъ, и вспомнили, что съ паденіемъ Константинополя связанъ притокъ гуманизма на Западъ, тогда научились смотрѣть на нее съ меньшимъ пренебреженіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если исторія Византіи представляетъ эпохи національнаго подъема, то не ясно ли, что ея столь продолжительное существованіе основывалось вовсе не «на тайнѣ греческаго огня и на отсутствіи единодушія у ея вра-

¹⁾ *Gibbon, Decline and fall of the Roman empire. Voltaire, Essai sur les moeurs et l'esprit des nations. ch. XIX.*

говъ¹⁾, что ея паденіе нельзя было предвидѣть за нѣсколько столѣтій до его наступленія, что самая смерть ея была не столько органической, сколько насильственной, и что, предоставленная самой себѣ, она пережила бы всевозможные внутренніе кризисы, подчинилась бы духу времени и перешла бы въ новые вѣка обновленной и прогрессирующей?

Настоящимъ изслѣдованіемъ мы вносимъ свою посылную лепту въ ту область исторической литературы, которая стремится возстановить истинный обликъ Византіи. Наша задача въ частности—показать, что въ IX и X вв., когда Византія успѣла уже пройти половину своего историческаго пути, ея жизнечность не подлежала никакимъ сомнѣніямъ. Мы хорошо понимали, что доказать такое положеніе возможно только послѣ всесторонняго изученія Византіи въ эту эпоху. Но мы точно такъ же сознавали, что такой трудъ далеко превзошелъ бы наши силы. Поэтому нашъ анализъ принялъ болѣе скромные размѣры: мы ограничились изученіемъ одного уголка византійскаго міра, Южной Италіи, въ ту эпоху, когда Византія достигла здѣсь наибольшаго преобладанія въ культурномъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Нами руководило соображеніе, что *ex ungue leonem*: если послѣдняя способна была оказывать за своими предѣлами вліяніе, сопровождавшееся какими нибудь положительными результатами, то очевидно, что она представляла собою организмъ здоровый, дѣятельный и отнюдь не склонный умирать.

I.

Σ. Ζαμπέλιος, *Ιταλοελληνικά, ήτοι κριτική πραγματεία περί των εν τοις αρχαιοις Νεαπολεως ανεκδοτων ελληνικων περιγραμμων*. Εν Αθηναϊς, 1865. — *Lenormant*, *La Grande Grèce, paysages et histoire*, 2 vol., Paris, 1881. — *Paparrigopoulos*, *Histoire de la civilisation hellénique*, Paris. 1878. — *Rambaud*, *L'empire Grec au X-me siècle*, Paris. 1870.

Южная Италія и Сицилія пережили нѣсколько этнографическихъ переворотовъ. Въ древности здѣсь были цвѣтушія

¹⁾ *Montesquieu*, *Grandeur et décadence des Romains*, chap. XXIII.

греческія колоніи, звучала эллинская рѣчь, господствовали греческіе нравы и учрежденія. Въ Агригентѣ Эмпедоклъ проповѣдывалъ свою теорію любви и ненависти, въ Элеѣ Зенонъ отрицалъ движеніе, а Парменидъ бытіе; въ Кротонѣ процвѣталъ пифагорейскій союзъ, глава котораго возвѣщалъ міру ученіе о числахъ и гармоніи. Въ Сиракузахъ Архимедъ мечталъ о томъ, какъ бы повернуть рычагомъ всю землю, а Платонъ хотѣлъ осуществить свою государственную теорію. Сибаритяне прославились своей изнѣженностью, а легкомысленные тарентинцы не могли не хохотать надъ акцентомъ римскаго посла. Такъ вся страна сдѣлалась чисто греческой; всѣ ручьи автохтоновъ слились въ эллинскомъ морѣ.

Но уже надвигались съ сѣвера неумолимые римляне, превосходившіе всѣ народы древняго и новаго міра искусствомъ ассимилировать побѣжденныхъ. Уже въ первомъ вѣкѣ имперіи греческое населеніе, не выдержавъ столкновенія съ романизмомъ, утрачиваетъ свои національныя черты. Страбонъ пишетъ: «Здѣсь греки были до того могущественны, что вся страна «вмѣстѣ съ Сициліей называлась Великой Греціей, теперь же «исключая Тарента, Регіума и Неаполя, все обращено въ варварство», т. е. романизовано. Подняли голову древніе, подавленные греками, элементы населенія, «луканы, бруттиѣнцы и кампанцы, но въ сущности и они романизованы» ¹⁾. Понемногу падаютъ и послѣдніе очаги эллинизма. Въ VI в. близъ Сквиллаче, на южной оконечности Калабріи, въ монастырѣ Виваріи живетъ великій министръ готскихъ королей, Кассиодоръ, изъ сочиненій котораго видно, что греческій элементъ исчезъ безъ слѣда. Вся долготѣнная государственная дѣятельность Кассиодора была направлена къ защитѣ романизма противъ наступающаго византизма. Въ своихъ законахъ, въ своихъ научныхъ

¹⁾ Strab., L. VI, § 2... ἐπὶ τοσοῦτον ἤβηγον, ὥστε τὴν μεγάλην Ἑλλάδα ταύτην ἔλεγον καὶ τὴν Σικελίαν. Νυνὶ δὲ πλὴν Τάραντος, καὶ Ῥηγίου, καὶ Νεαπόλεως ἐκβαρβαρώσθαι συμβέβηκεν ἅπαντα, καὶ τὰ μὲν Λευκανούς, καὶ Βρεττίους κατέχειν τὰ δὲ Καμπανούς. Καὶ τούτους λόγῳ, τὸ δ' ἀληθές Ῥωμαίους, καὶ γὰρ αὐτοὶ Ῥωμαῖοι γέγονασιν

и литературныхъ произведеніяхъ онъ стремился отстоять римскія традиціи во что бы то ни стало и для этого шелъ на компромисъ съ готами. Послѣдніе должны были вмѣстѣ съ кореннымъ населеніемъ составить противовѣсъ грекамъ. Монастырь, построенный Кассіодоромъ, напоминалъ своимъ уставомъ и жизнью братіи бенедиктинскіе монастыри ранняго времени: это была латинская академія, гдѣ изучали латинскій языкъ и произведенія римской литературы; греческій языкъ изучали, какъ иностранннй, и то лишь для ознакомленія съ сочиненіями греческихъ отцовъ церкви ¹⁾).

Такъ было въ VI в. А въ X Южная Италія представляетъ уже совершенно иной видъ. На мѣстѣ Виваріи стоитъ монастырь ордена св. Василія. Вся страна сдѣлалась опять греческой. Какъ произошла эта перемѣна? Въ былое время, когда господствовалъ старый взглядъ на Византію, на этотъ вопросъ отвѣчали, не задумываясь. Говорили, что древнія дорическія колоніи сохранились незамѣтно для бдительнаго ока римлянъ вплоть до среднихъ вѣковъ, когда онѣ очнулись отъ своего долговѣчнаго сна и распространили эллинизмъ по всей южной оконечности полуострова. Эта теорія игнорировала всѣ прямыя доказательства исчезновенія древняго эллинизма. Ея представителямъ и въ голову не приходило, что языкъ и нравы калабрійскихъ грековъ прямо указываютъ на византійское происхожденіе. Понятно, иначе пришлось бы отказаться отъ традиціонныхъ воззрѣній на Византію, допустить, что средневѣковые греки обладали способностью ассимилировать себѣ другіе народы, способностью, замѣчающейся только у культурныхъ, здоровыхъ, живучихъ націй. И однакоже, это такъ. Документы, найденные и обнародованные Замбеліемъ, доказали безспорно, что средневѣковые эллины Южной Италіи пришли изъ Византіи.

Не смотря на паденіе готской монархіи, Южная Италія при Юстиніанѣ Великомъ и долго послѣ него оставалась рома-

¹⁾ Lenormant, II, p. 381.

низванной. Латинскій языкъ слышался въ одинаковой степени въ Сѣверной Италіи и въ Калабріи. Византія не имѣла никакого интереса вводить греческую рѣчь насильно въ своихъ провинціяхъ: латинь была официальнымъ языкомъ въ самомъ Константинополѣ, по гречески же говорилъ лишь простой народъ. Точно такъ же Византія не трогала и церковь Южной Италіи. Епископы въ Калабріи и Апуліи въ VI и VII вв. были всѣ латиняне и подчинялись папѣ; Византія старалась ослабить значеніе послѣдняго въ христіанскомъ мірѣ и возвысить восточнаго патріарха, но ни одинъ изъ константинопольскихъ императоровъ этого времени не оспаривалъ верховной власти римскаго епископа надъ южно-итальянскими церквами. Нѣтъ сомнѣній, что въ извѣстной степени Византія была далека отъ національныхъ стремленій, благодаря могуществу ея враговъ, лонгобардскаго королевства и особенно беневентскаго герцогства. Такъ, въ Южной Италіи римское право, кодифицированное Юстиніаномъ Великимъ, уступило мѣсто лонгобардскому. Последнее дѣйствовало въ Калабріи и Апуліи даже въ X в., когда Великая Греція снова сдѣлалась эллинской страной, и въ XI в., при первыхъ норманскихъ герцогахъ ¹⁾.

Драгоценные документы, найденные Забеліемъ въ неаполитанскомъ архивѣ, показали, что еще въ VII в. въ Южной Италіи господствовалъ латинскій языкъ, но что въ X в. греческій языкъ сталъ преобладать на столько, что вытѣснялъ своего соперника даже изъ домашняго употребленія. Забелій выставилъ и доказалъ на основаніи этихъ документовъ то положеніе, что эллинизмъ Южной Италіи былъ дѣтищемъ Византіи; но сверхъ того онъ построилъ блестящую гипотезу, возведенную путемъ провѣрки данныхъ на степень историческаго факта, гипотезу о причинной связи эллинизма Великой Греціи съ иконоборствомъ.

По тѣмъ идеямъ, которыя легли въ его основу, и по тѣмъ цѣлямъ, которыя оно преслѣдовало, иконоборство было вполне

¹⁾ *Lenormant*, II, p. 385.

родственнымъ явленіемъ съ реформаціей XVI в. и революціей XVIII в. ¹⁾). Свѣдѣнія, дошедшія о немъ до насъ, отрывочны и въ большинствѣ случаевъ искажены: когда иконоборческое движеніе кончилось, друзья стараго порядка вещей употребили всѣ свои усилія, чтобы изгладить изъ воспоминанія человечества имена и дѣянія реформаторовъ или же представить ихъ въ превратномъ свѣтѣ. Благодаря этимъ реакціонерамъ, втеченіе цѣлыхъ столѣтій, вплоть до нашихъ дней, потомство имѣло самое одностороннее понятіе о религіозномъ и соціальномъ движеніи: его окрестили иконоборствомъ, какъ будто уничтоженіе иконъ было главнымъ или единственнымъ мотивомъ вѣковой борьбы. Въ дѣйствительности же истинной задачей этой византійской реформаціи было противодѣйствіе гангрены, разѣдавшей весь государственный строй.

Втеченіе VI и VII вв. стремленіе къ монашеской жизни достигло небывалой высоты. Монастыри размножились до того, что государство стало походить на сплошную огромную обитель; сотни тысячъ праздныхъ людей скрывались за монастырскими стѣнами отъ тревоженій житейскихъ, въ то время, какъ персы, авары и арабы грозили положить конецъ дальнѣйшему существованію государства. Солдаты бросали оружіе въ минуту опасности, и правительство должно было пополнять ряды наемниками, интересы которыхъ шли, быть можетъ, въ разрѣзъ съ тѣмъ, что требовалось для блага отечества. Императоръ Маврикій (+ 602) попытался ограничить право солдатъ вступать въ монастырь, но его декретъ вызвалъ бурю со стороны духовенства. Въ то же время развитіе монашества вело за собой экономическое разстройство. Владѣнія монастырей занимали весьма значительную часть страны и вслѣдствіе принадлежавшаго имъ права иммунитета, составляли для государства жертвнй капиталъ. Вся тяжесть государственныхъ налоговъ ложилась на свѣтскихъ собственниковъ; мелкіе землевладѣльцы не

¹⁾ По нашему мнѣнію, *Leumont* (II, p. 395) не правъ, пытаясь ослабить значеніе иконоборства; греческихъ историковъ въ данномъ случаѣ невозможно упрекать въ ложномъ патриотизмѣ.

могли устоять подъ ихъ непосильнымъ бременемъ. Оттого институтъ частной поземельной собственности, окончательно освященный Юстинианомъ, сталъ съ немовѣрной быстротой приносить свои плоды; мелкое землевладѣніе стало падать, сельское населеніе переходить въ крѣпостничество, и всѣ земли, не принадлежавшія еще монастырямъ, становиться собственностью немногихъ крупныхъ богачей (*δουλοί*, сильные люди). Экономическія отношенія сдѣлались до того ненормальными, что даже самое безопасное правительство не могло болѣе ихъ игнорировать. Умственное и нравственное состояніе общества также заставляло задумываться. Люди погрязли въ грубомъ суевѣріи; полководецъ проигрывалъ сраженія, потому что ему внушали, что надъ нимъ тяготѣетъ гнѣвъ Вожій; народъ боготворилъ иконы и мощи, такъ что казалось, будто воскресли времена идолопоклонства. Религіозной терпимости не существовало даже относительно христіанъ, думавшихъ нѣсколько иначе, чѣмъ господствующая церковь; ея не было и въ остальномъ христіанскомъ мірѣ, но нигдѣ она не веда къ столькимъ столкновеніямъ, какъ въ Византіи, потому что нигдѣ не было столько сектъ, какъ въ отечествѣ эристики и діалектики.

Противъ этихъ золъ были направляемы удары уже въ предшествовавшіе вѣка. Особенно религіозныя аномаліи встрѣчали протестъ со стороны мыслящихъ людей. Въ Малой Азіи возникла демократическая секта Павлиціанъ, которая доводила свое ученіе до окончательнаго разрыва съ государственною церковью. Павлиціане не признавали никакихъ обрядовъ и принадлежностей культа, ни креста, ни иконъ, ни мощей, ни св. таинствъ. Они отвергали почти всѣ священныя книги, кромѣ Евангелія, даже Ветхій Заветъ. Они не нуждались, поэтому, въ особомъ духовенствѣ; у нихъ были лишь «толкователи закона», своею внѣшностью и образомъ жизни не отличавшіеся отъ мірянъ. Еще менѣе возможно было существованіе монашескаго сословія среди этихъ апостоловъ свободы совѣсти. Павлиціане не шли въ монастырь; они отличались образцовымъ трудолюбіемъ во время мира и храбростью на войнѣ. Правда, это были еретики,

но и вполне благонамеренные люди, даже представители духовенства, громко заявляли о необходимости реформъ. Въ концѣ V в. епископъ Гіераполиса, Филоксенъ, воспретилъ почитаніе иконъ въ своей епархіи. Епископы Θεодоръ, Θεομα и Константинъ были главными инициаторами иконоборства въ VIII в. Дѣятельность Льва III подготовлялась втеченіе многихъ лѣтъ; уже въ 713 г. императоръ Филиппикъ издалъ указъ противъ иконъ. Реформы Исавра встрѣтили сочувственный откликъ, какъ въ высшемъ духовенствѣ, такъ и въ арміи¹⁾.

Благодаря преобразованіямъ императоровъ иконоборцевъ государство приняло иной видъ. Исчезло господство евнуховъ и связанная съ нимъ безчеловѣчныя наказанія. При дворѣ императоровъ воцарилась чистота нравовъ; царицы стали обращать свою благотворительность не на монастыри, а на устройство пріютовъ для сиротъ и подкидышей. Количество монастырей было уменьшено и ихъ имѣнія отобраны въ казну или же лишены правъ иммунитета. Воспрещеніе культа иконъ и мощей было также ударомъ для монашества, которое получало большіе доходы отъ торговли ими. Школы, находившіяся до тѣхъ поръ въ рукахъ монаховъ, перешли въ вѣдѣніе свѣтскихъ лицъ. Такимъ образомъ, для монашества иконоборство имѣло прежде всего значеніе экономической революціи, какъ напримѣръ, введеніе паровой машины для ремесленниковъ. Уступая измѣнившимся условіямъ, монахи частью разбѣжались, частью взяли назадъ свой обѣтъ отреченія, стали обзаводиться семьями и вступать въ ряды войскъ. Но иконоборческое движеніе не остановилось на противодѣйствіи монашеству; оно пошло гораздо дальше по пути экономическихъ и социальныхъ реформъ. Эти преобразованія выразились въ двухъ законодательныхъ актахъ Льва III, *крестьянскомъ законѣ* и *гражданскомъ уложеньи* или *эклохѣ*, актахъ, которые можно, не колеблясь, отнести къ величайшимъ юридическимъ памятникамъ человѣчества и о которыхъ, тѣмъ не менѣе, знаютъ очень мало. Они дышутъ самыми радикальными нововведеніями. *Крестьянскій законъ* отмѣняетъ

¹⁾ Paparrigopoulos, pp. 190 и сл.

patrocinium, обременявшій землевладѣльца двойнымъ налогомъ въ пользу помѣщика и въ пользу казны. Въ законѣ нѣтъ болѣе рѣчи о крѣпостныхъ поселянахъ. Наконецъ, законъ санкціонируетъ общинное землевладѣніе, дѣлая этимъ уступку землевладѣльческимъ формамъ, возникшимъ вслѣдствіе иммиграціи славянъ втеченіе послѣднихъ столѣтій. Эклоа внесла значительное измѣненіе въ брачное право; мужъ и жена были уравнены въ имущественныхъ правахъ; власть матери была сравнена съ властью отца. Сверхъ того, законъ дозволилъ браки между христіанами различныхъ культовъ—между православыми и еретиками ¹⁾).

Всѣ эти реформы скрывались подъ вѣшной оболочкой—преслѣдованіемъ икопъ. Такъ часто бываетъ въ исторіи: знамя, девизъ говорятъ меньше того, что на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ за ними. Борьба за инвеституру, споръ между сторонниками ученій о свободѣ воли и предопредѣленіи, стремленіе къ св. Гробу—все это только заглавные листы, дающіе довольно смутное понятіе объ истинномъ содержаніи великой книги, прикрываемой ими, точно такъ же, какъ названія гвельфовъ и гибеллиновъ, круглоголовыхъ и кавалеровъ, папистовъ и протестантовъ далеко не исчерпывали состава и цѣлей партій, которыя ихъ носили. Оттого всѣ великія историческія явленія имѣютъ общую судьбу—что только отдаленное потомство въ силахъ оцѣнить ихъ по достоинству, подвергнуть анализу элементы, изъ которыхъ они сложились, отдѣлить существенное отъ несущественнаго и отвести каждому соответственное мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли мы прониклись сознаніемъ, что во всѣхъ, такъ называемыхъ, религіозныхъ движеніяхъ, какъ войны Альбигойцевъ, крестовые походы, реформація XVI в., основнымъ элементомъ были общественныя и экономическія условія? Стояло только всмотрѣться поближе, чтобы убѣдиться, что икономахія и иконолатрія были только знаменами, подъ которыми стояли сторонники двухъ разныхъ направленій не только въ религіозной или вообще умственной, но и въ об-

¹⁾ *Parrigoroulo*, pp. 205 и сл.

дественной жизни. Впродолженіе 150 лѣтъ вопросъ объ иконахъ служилъ предметомъ горячихъ споровъ и въ литературѣ, и на улицѣ, въ толпѣ, и на вселенскихъ соборахъ, тогда какъ на дѣлѣ борьба шла изъ за болѣе основныхъ вопросовъ государственнаго строя. Уничтоженіе культа иконъ составляло торжество прогресса, восстановление ихъ — побѣду реакціи. Это видно уже изъ того, что монахи—поборники иконъ, находили себѣ откликъ лишь въ самыхъ невѣжественныхъ слояхъ общества—среди женщинъ и городской черни.

Какъ всякое явленіе, затрогивающее разнородные интересы, иконоборство, кромѣ внутреннихъ волненій, вызвало броженіе и извнѣ. Вспомнимъ, что даже Карлъ Великій счелъ нужнымъ созвать соборъ, чтобы выяснить отношенія Запада къ вопросу объ иконахъ. Главнымъ образомъ византійская реформація отразилась въ Италіи. Римскій папа искалъ только случая, чтобы съ наименьшимъ рискомъ отложиться отъ Византіи; этотъ случай сдѣялось иконоборство. Онъ поднялъ знамя возстанія и нашелъ поддержку въ коренномъ населеніи и въ лонгобардахъ. За то мелкіе южно-итальянскіе владѣтели привѣтствовали иконоборство. Неаполитанскій епископъ Сергій I и герцогъ Эксиларать открыто прикнули къ нему. Эксиларать сжегъ всѣ иконы въ Неаполѣ и выступилъ въ походъ противъ папы Григорія II. Его примѣру послѣдовалъ герцогъ Капуи, который увлекъ за собою гаетскаго герцога ¹⁾. Эта готовность повиноваться велѣніямъ Византіи въ религіозномъ отношеніи вытекала изъ политическаго состоянія полуострова. Мелкіимъ князьямъ было выгоднѣе подчиняться далекому Константинополю, чѣмъ близкому Риму. Мы увидимъ ниже, какъ и позже, по окончаніи иконоборства, въ IX в. южно-итальянскія герцогства, особенно Неаполь, искали поддержки противъ жадности Рима въ Византіи. Всѣ эти княжества быстро вернулись въ лоно римской церкви, но тѣмъ не менѣе остались подъ главенствомъ Византіи; правда, и послѣдняя держалась очень мудрой политики.

¹⁾ *Zappalano*, p. 195.

Левъ III не настаивалъ на исполненіи своего иконоборческаго эдикта тамъ, гдѣ это могло повести къ разрыву: Римъ отложился не по винѣ императора, а благодаря папѣ, которому нуженъ былъ только предлогъ. Византійское правительство смотрѣло сквозь пальцы и на тотъ радушный пріѣзъ, который оказывала вся Италия, даже оставшіяся ему вѣрными провинціи, десяткамъ тысячъ эмигрантовъ, сторонникамъ иконъ. Тѣмъ не менѣе, Левъ III старался всѣми силами удержать за собою то, что еще можно было. Въ то время, какъ вкархъ Эвтихій продолжалъ еще борьбу съ папой, онъ издалъ эдиктъ, которымъ всѣ иллирійскія, сицилійскія и южно-итальянскія церкви освобождались отъ супрематіи преемника св. Петра и переходили во власть патріарха. Съ тѣхъ поръ втеченіе 300 лѣтъ Сицилія и Южная Италия были въ церковномъ отношеніи подвластны Константинополю; въ С. Северино, Ахеронтѣ, Россано, Реджіо, Галлиполи, Кастравотерѣ, Бари, Отранто, Тарентѣ, а въ IX в. и въ Неаполѣ, во всѣхъ этихъ и другихъ городахъ сѣдѣли греческіе протопапы (архіепископы) и дeвтеры (епископы)¹⁾. Они являлись на вселенскіе соборы въ Константинополь и Никеею, за что Византія давала имъ всевозможныя привилегіи и дары. Это продолжалось вплоть до норманскаго завоеванія.

Спасая себя и предметы своего культа, поборники иконъ толпами устремились въ Италію, къ папѣ. Послѣдній принялъ эмигрантовъ съ распростертыми объятіями, помѣстилъ многихъ изъ нихъ въ монастыри бенедиктинскаго ордена, сталъ заводить греческія школы и строить базилианскіе монастыри. Когда при Константинѣ Копронимѣ преслѣдованіе иконъ усилилось, бѣгство въ Италію сдѣлалось эпидемическимъ. Мало по малу эмигранты стали находить себѣ пріютъ и въ областяхъ, подчиненныхъ Византіи. Никто изъ переселенцевъ не приходилъ съ пустыми руками: у однихъ была чудотворная икона или кусокъ животворящаго креста, у другихъ мощи и священ-

¹⁾ Запеллес, pp. 62, 63; 192, 193.

ныя книги. Между бѣжавшими монахами были живописцы, скульпторы, переписчики, пѣвчіе, учителя свѣтскихъ и духовныхъ наукъ; всѣ они внесли въ варварскую Италію запретные плоды византійскаго искусства. Перенесеніе живописи на Западъ символически изображено въ легендѣ объ иконѣ Богородицы, находящейся въ Вари ¹⁾). Легенда рассказываетъ, что когда Левъ III рѣшился сжечь икону 'Οδῆγητρια, патронессу Константинополя, два монаха уложили ее въ ящикъ и поставили на одну изъ холандій царскаго флота, который долженъ былъ отплыть въ Италію противъ папы. Въ открытомъ морѣ буря разсѣяла флотъ; многія суда пригнало назадъ, многія пошли ко дну. На судно же, гдѣ находилась чудотворная икона, сошелъ съ неба въ видѣ прекраснаго юноши ангелъ, который, управляя рулемъ, благополучно доставилъ въ Вари корабль съ его драгоценной поклажей. Подобныя же легенды рассказываются о чудотворныхъ иконахъ въ Отранто, Россано, Амальфи, Салерно, Палермо и т. д., которыя всѣ византійскаго происхожденія. Кромя иконъ, въ раннихъ церквахъ Рима и важнѣйшихъ городовъ Италіи до сихъ поръ сохранились и другіе памятники византійскаго искусства. Таковы нефъ Монгеале въ Палермо и мѣдныя церковныя двери въ Амальфи и въ храмѣ св. Павла въ Римѣ, относящіяся къ XI в. ²⁾). Средняя и Южная Италія и Сицилія покрылись греческими монастырями ордена св. Василія. Ихъ распроетраненіе было облегчено тѣмъ внутреннимъ средствомъ, которое существовало между ихъ уставомъ и правилами св. Бенедикта. Физическій и умственный трудъ составлялъ одно изъ важнѣйшихъ постановленій обоехъ орденовъ. Монастыри св. Василія сдѣлались пріютомъ греческихъ знаній. Греческія жизнеописанія, составленныя въ Калабріи, и множество рукописей, написанныхъ въ Южной Италіи и хранящихся въ большихъ европейскихъ бібліотекахъ ³⁾), свидѣтельствуютъ о степени развитія эллинскихъ знаній. Вслѣдствіе внутренней

¹⁾ Ζαμπέλιος, р. 206.

²⁾ *Id.*, р. 199.

³⁾ *Leopoldt*, II, р. 396.

близости, между бенедиктинцами и базилианцами установились дружественныя отношенія, не прекращавшіяся до конца греческаго господства. Св. Нила, представителя греческаго монашества, встрѣчали съ глубокимъ уваженіемъ въ важнѣйшемъ бенедиктинскомъ монастырѣ, Монтекасино ¹⁾).

Въ Италію эмигрировало при первыхъ двухъ иконоборческихъ императорахъ около 50,000 сторонниковъ иконъ; а разъ открывшійся потокъ не останавливался втеченіе всей эпохи. Большинство переселенцевъ составляли монахи и монахини, которые основали множество монастырей ордена св. Василія. Такихъ обителей, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ возникло въ одной Южной Италіи 200; намъ извѣстны имена половины; до сихъ поръ сохранилась лишь Гроттоферата близъ Рима. Въ Сициліи до настоящаго времени уцѣлѣло около 30 базилианскихъ монастырей; сколько же ихъ было въ VIII и IX вв. и сколько чедовѣкъ принесла съ собою сюда эмиграція? Какъ здѣсь, такъ и на полуостровѣ монастыри не сгруппировались въ одну мѣсть, но покрыли собою все пространство; въ Италіи они распространились отъ восточнаго до западнаго берега, отъ Отранто до Реджіо, и на сѣверъ до самаго Рима. Біографія св. Нила даетъ болѣе или менѣе ясное понятіе о величинѣ территоріи, занятой базилианскими обителями. Первоначально святой, рѣшившись отречься отъ міра, поселился въ монастырѣ св. Меркурія, на берегу Тирренскаго моря ²⁾. Но здѣсь ему угрожали неприятности со стороны византийскаго правительства, такъ какъ въ качествѣ декуріона онъ не имѣлъ права обла-

¹⁾ *Vita S. Nili*, XI, 73 и сл... processit illi obviam ad radices montis tota monachorum caterva, sacerdotibus et diaconis eorum sacro habitu indutis, ut sit diebus festis, cereos et thuribula manu ferentibus: et hujusmodi pompa beatum virum ad monasterium deduxerunt, nihil aliud se putantes audire et videre, quam advenientem Alexandria magnum Antonium, vel excitatum a mortuis magnum patrem Benedictum, sacrum legislatorem et magistrum eorum... Tum praepositus et fratres rogabant, ut una cum suis fratribus universis ascenderet in maximum monasterium et Graeco sermone Officium caneret in ecclesia eorum.

²⁾ *Ibid.* I, 4:..... pervenit ad monasteria, quae Mercurii vocantur.

ченія въ схиму; поэтому онъ ушелъ отсюда въ Салернскую область, въ монастырь св. Назара ¹⁾, близъ Семинари. Нѣсколько времени спустя Нилъ вернулся въ монастырь св. Меркурія, гдѣ ему предложили вакантное мѣсто игумена; онъ отказался и ушелъ въ уединенное мѣсто около часовни св. Михаила ²⁾. Набѣги арабовъ вынудили отшельника поселиться въ защищенной крѣпкими стѣнами городѣ Россано. Нѣсколько лѣтъ спустя Нилъ оставилъ навсегда Калабрію, перешелъ въ Капуанское герцогство и поселился сначала въ монастырь Vallelucium ³⁾, а затѣмъ въ монастырь Серпері ⁴⁾, близъ Гаеты. Отсюда послѣ 10-лѣтняго пребыванія, онъ переселился въ Тускулумъ и остался въ монастырь св. Агаты ⁵⁾. Здѣсь святой и умеръ, а мощи его перенесли въ монастырь Гроттоферату ⁶⁾ (Криптоферату), въ окрестностяхъ Рима.

Въ норманскій періодъ почти всѣ базиліанскіе монастыри были частью разрушены, частью перешли въ вѣдѣніе бенедиктинскихъ монаховъ. А въ эпоху своего процвѣтанія они сослужили службу единству. Въ монастырь сосредоточивалась вся образованность, вся духовная жизнь населенія; монастырскія стѣны служили убѣжищемъ отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ притѣснителей; благодаря же иммунитетамъ и обширнымъ помѣстьямъ, монастыри играли важную роль въ экономическихъ отношеніяхъ страны. Силою самихъ обстоятельствъ они должны были сдѣлаться могущественнѣйшимъ орудіемъ единизаціи полуострова. Дѣйствительно, благодаря этимъ пионерамъ единизма, населеніе всей Калабріи и Апуліи стало въ X в.

¹⁾ *Vita S. Nili*, I, 5; n. l. (p. 288): coenobium S. Nazarii, quod hodie S. Filareti vocatur.

²⁾ *Ibid.*, II, 13: spelunca summis in rupibus, habens quoque aediculam Michaëli archangelo dicatam.

³⁾ *Ibid.*, XI, 73: Sancti Michaëlis id erat, nomine Vallelucium.

⁴⁾ *Ibid.*, XIV, 95... deserere monasterium, quod Serperis vocatur, in quo ad annos decem monasticam duxerat vitam.

⁵⁾ *Ibid.*, XIV, 96: Prope illud (Tusculum) situm erat monasterium fratrum nationis nostrae, Graecorum, nomine S. Agathae.

⁶⁾ *Ibid.*, XIV, n. i (p. 343).

говорить по гречески. Изъ документовъ, изданныхъ Замбеліемъ, видно, что эллинская рѣчь слышалась въ Капуѣ, Салерно ¹⁾, Віетри, С. Северинѣ, Кевутѣ, Бари, Беневентѣ ²⁾, Бриндизи, Галлиполи, Тарентѣ, Кастровилари, Сости, Реджіо, Амантеѣ, Россано, Гераче, Сквилаче, Тропеѣ, Козенцѣ и т. д. и т. д. ³⁾. Масса мѣстныхъ названій, заимствованныхъ изъ греческаго языка, свидѣтельствуютъ о распространенности эллинскаго населенія ⁴⁾. Южная Италія сдѣлалась такой же греческой страной, какъ въ классическую эпоху.

Мудрая политика Льва III и его преемниковъ содѣйствовала, какъ нельзя болѣе, эллинизации полуострова. Основатель Исаврійской династіи преслѣдовалъ иконы только тамъ, гдѣ онъ не сомнѣвался найти поддержку въ общественномъ мнѣніи. Въ Южной Италіи Левъ III старался не оскорблять религіознаго чувства епископовъ, епархіи которыхъ онъ подчинилъ Константинопольскому патріарху. Императорскимъ чиновникамъ было предписано исполнять самимъ всѣ религіозныя требованія императора, но оставлять въ покоѣ бѣглецовъ. Отчасти эта гуманность коренилась въ принципахъ всего иконоборческаго движенія, требовавшаго свободы совѣсти и для еретиковъ: иконоборцевъ преслѣдовали не какъ религіозную, а скорѣе, какъ политическую партію. Левъ III понималъ, что колонизация Италіи греческими монахами, преданными обрядамъ восточной церкви, воспитанными въ византійскихъ воззрѣніяхъ на императора и на патріарха, должна была прочнѣе связать съ Византіей оставшіяся еще у нея провинціи. При Копроніѣ въ этихъ провинціяхъ къ эмигрантамъ продолжали относиться по прежнему; въ Калабріи и Апуліи иконоборства

¹⁾ *Chronicon Salernitanum*, c. 99 (MM. G., SS. III, p. 517): . . testa enim Graece ostraca dicuntur.

²⁾ *Erchempertus*, c. 3 (*Ibid.*, p. 243): Arichis postroxit churchas, quod Graeco vocabulo Agian Sophian, id est sanctam sapientiam, nominavit. Ясно, что въ Беневентѣ говорили по гречески, иначе зачѣмъ было Арихву называть храмъ греческимъ именемъ?

³⁾ Ζαμπέλιος, p. 53.

⁴⁾ *Id.* pp. 54, 55.

как будто и не бывало. Благодаря потерѣ Рима и Равенны, политическая связь Южной Италіи съ Византіей только окрѣпла. Калабрія и Апулія лишились автономіи и были внесены въ разрядъ военныхъ темъ, зависѣвшихъ непосредственно отъ Константинополя. Втеченіе всего VIII в., въ то время, какъ восточныя земли терзались внутренними раздорами, а Верхняя и Средняя Италія войнами лангобардовъ съ греками и франками, въ Калабріи и Апуліи царствовали тишина и спокойствіе. Подъ эгидой этого спокойствія совершался этнографическій переворотъ. «Дряхлый», «гниющій» византизмъ одержалъ побѣду надъ романизмомъ; онъ обнаружилъ силу пропаганды и ассимиляціи, напомнившую лучшія времена классическаго эллинизма.

Когда иконоборческая эпоха уступила мѣсто новой, реакціонной, Византія стала совершенно сознательно стремиться къ тѣмъ же цѣлямъ, каковыхъ достигла бессознательная стихійная сила—народная волна эмиграціи. Она съумѣла наложить свою руку на всю Италію.

II.

Erchempertus, Historia Langobardorum (MM. G. H. SS. III). Chronicon Salernitanum (ibid.). Lupus Protospatarius—Annales Barenses (SS. VII). Annales Beneventani (SS. III). Cedrenus, Σύνοψις Ἱστορίων, Bonn, 1839. Muralt, Essai de Chronographie byzantine, St. Pé. 1857. Muratori, Annali d'Italia, Milano, 1744, T. V. Weil, Geschichte der Islamitischen Völker, 1866. Dümmler, Geschichte des Ostfränkischen Reichs, 2 Bde, 1862, 65.

Судьба эллинизма была различна въ Сициліи и Южной Италіи. Въ послѣдней онъ могъ распространяться почти безъ всякихъ препятствій втеченіе трехъ столѣтій и вслѣдствіе этого окрѣпнуть; на островѣ же, чуть только онъ пустилъ корни, его стали подкашивать вторженія арабовъ.

Особенность политическаго развитія арабовъ—чрезвычайная экстенсивность и слабая интенсивность—обнаружилась уже въ IX в. Для восточнаго халифата наступалъ конецъ эпохи его процвѣтанія, но за то исламъ продолжалъ свое побѣдоносное шествіе на западъ. Во второй разъ на развалинахъ Кар-

евгена возникло государство, какъ будто задавшееся цѣлью отомстить потомкамъ римлянъ за зло, причиненное имъ предками дѣтямъ Дидоны. Въ самомъ началѣ IX в. на с.-з. берегу Кабесскаго залива образовалось самостоятельное государство, управлявшееся династіей Аглабитовъ, первоначально намістниковъ Абассидовъ. Какъ всѣ молодыя магометанскія монархіи, Аглабитское государство съ первой же минуты сосредоточило все свое вниманіе на завоеваніяхъ. Раньше всѣхъ обратила на себя его взоры Сицилія. При Зіадетъ - Ахлахъ (817—838) сарацины, призванные патриціемъ Евеміемъ¹⁾, впервые высадились на островъ, захватили Мезару, Агригентъ, Минео и, послѣ нѣкотораго колебанія фортуны, Палермо въ 831 г. Завоеваніемъ этого города, лежавшаго въ плодородной мѣстности, хорошо укрѣпленнаго и снабженнаго прекрасною гаванью, было положено основаніе арабской колонизаціи. Второй намістникъ Сициліи, Ибрагимъ (835—851)²⁾, утвердилъ окончательно арабское господство на островѣ. Въ 842 г. въ руки арабовъ попала Мессина, потомъ Модика, Лентини, Рагуза. Вскорѣ отношенія сицилійскихъ эмировъ къ Аглабитамъ сдѣлались такими же, какъ отношенія послѣднихъ къ Абассидамъ: власть Аглабитовъ стала лишь номинальной. Африканскій халифъ получалъ отъ времени до времени отъ намістника подарки, да имя его упоминалось въ молитвахъ при богослуженіи. Только энергичные халифы пытались исподоволь оказывать болѣе активное вліяніе на дѣла острова, что имъ нерѣдко, благодаря внутреннимъ смутамъ, и удавалось. Не смотря на рядъ возстаній покоренныхъ и частые набѣги грековъ, Сицилія все болѣе и болѣе становилась арабской страной. Въ 879 г. пали Сиракузы, и въ 902 г., взятіемъ Тауромена, покореніе острова было закончено.

Задолго, однакоже, до окончательнаго покоренія Сициліи,

¹⁾ *Cedrenus*, II, p. 97. *Chron. Salern.* c. 60. *Erchempertus*, c. 2. *Weil*, pp. 199 и сл. *Dümmler*, I, 184. *Muralt*, p. 410 (с. а. 824).

²⁾ *Weil*, p. 300.

сфера дѣятельности африканскихъ арабовъ расширилась; они перешли въ Южную Италию¹⁾, куда имъ открыли путь сами итальянцы. Между греческими владѣніями на югѣ — Калабрией и Апуліей — и на берегу Тирренскаго моря — Неаполемъ, Амальфи и Гаетою — лежало обширное беневентское герцогство. Оно было покорено франками послѣ уничтоженія лонгобардскаго королевства, но сумѣло сдѣлать зависимость отъ завоевателей только номинальной. Герцогъ Арихизъ, на глазахъ котораго совершилось паденіе Деиздерія, сталъ называть себя уже не просто герцогомъ, а государемъ (*principes*); епископы должны были помазать его, онъ возложилъ на себя корону и сталъ писать въ своихъ грамотахъ: дано въ нашемъ священномъ дворцѣ²⁾. Его преемникъ, Гринизонъ, призналъ себя вассаломъ франкскаго короля, но этотъ вассалитетъ выражался лишь въ томъ, что въ грамотахъ и монетахъ выставлялось имя сюзерена³⁾. Гринизонъ не побоялся поднять открыто оружіе противъ Пипина, когда послѣдній задумалъ поставить Беневентъ въ непосредственную зависимость отъ франковъ⁴⁾. Преемники Гринизона сильно стѣснили владѣнія Византіи, которая во все время иконоборства не оказывала дѣятельнаго, какъ арабамъ, такъ и беневентскимъ лонгобардамъ. Въ половинѣ IX в. Калабрія и Апулія были почти совсѣмъ въ рукахъ беневентскихъ герцоговъ⁵⁾. Но Беневентъ не могъ окрѣпнуть,

¹⁾ *Cedrenus*, II, p. 99: Οἱ δὲ Ἀγαρηνοὶ οὐ τῆς Σικελίας μόνον ἔκτοτε ἀλλὰ καὶ τῶν κλειόνων τῆς Ἰταλίας ἐγένοντο ἐγκρατεῖς, πάντα κατατρέχοντες καὶ διαπορθοῦντες.

²⁾ *Erchempertus*, c. 3 (*Peris*, III, p. 243): Ille Arichis primus Beneventi principem se appellare fuisse... et ab episcopis ungi se fecit, et coronam sibi imposuit, atque in suis cartis: scriptum in sacratissimo nostro palatio, in finem scribi praecipit.

³⁾ *Ibid.*, c. 4: ut... cartas... nummosque sui nominis characteribus superscribi semper iuberet.

⁴⁾ *Ibid.*, cc. 6, 7: Aiebat itaque per legatos suos Pipinus: Volo... ut sicuti Arichis genitor illius subiectus fuit quondam Desiderio regi Italiae, ita sit mihi et Grimoaltū Quibus econtra Grimoalt asserebat: Liber et ingenuus sum natus utroque parente; semper ero liber, credo, tuente Deo!

⁵⁾ *Ibid.*, c. 15: Siconolfus... totam Calabriam suo subdidit famulatui maximamque partem Apuliae. Cf. *Chron. Salern.*, c. 68 (p. 501): Rofrit...

вслѣдствіе стремленія его составныхъ частей, Капуи и Салерно, врозь и вслѣдствіе его непрерывныхъ войнъ съ Неаполемъ ¹⁾. Мы увидимъ ниже, какъ въ Южной Италіи ни на минуту не утихалъ шумъ оружія отъ вѣчныхъ усобицъ между Неаполемъ, Капуей, Амальфи, Гаетой, Беневентомъ и Салерно; мы увидимъ также, какъ этимъ воспользовалась Византія. Здѣсь мы можемъ указать лишь на внутреннее значеніе этихъ усобицъ: онѣ были необходимы для установленія политическаго равновѣсія между отдѣльными княжествами. Тогдашніе политики сознавали это; устами Эрхемперта одинъ изъ нихъ, капуанскій герцогъ, умирая, говорилъ своимъ сыновьямъ: «прилагайте всѣ усилія, чтобы Беневентъ и Салерно никогда не заключали между собою мира, такъ какъ это не можетъ быть вамъ полезнымъ» ²⁾. Не ясно ли, что исторія макіавелизма начинается раньше Макіавели?

Около 837 г. арабы сдѣлали набѣгъ на Бриндизи ³⁾, но были отбиты беневентскимъ герцогомъ, Сикардомъ. Два года спустя неаполитанцы призвали ихъ на помощь противъ беневентянъ. Вслѣдъ затѣмъ они приняли участіе въ междуусобіи Радельхиза и Сизенольфа, спорившихъ изъ за беневентскаго престола. По приказанію Радельхиза, гастальдъ города Бари призвалъ арабовъ, осаждавшихъ въ то время Рагузу на югѣ Сициліи, и открылъ гавань ихъ флоту. Въ темную ночь они проникли въ городъ, перебили жителей и укрѣпились въ немъ (841) ⁴⁾. Это не помѣшало имъ остаться на службѣ у Радельхиза. Они стали одушотать владѣнія Сизенольфа и захватили Салерно; но при этомъ они не щадили и владѣній своего союз-

missus cum pluris viris per Calabriae simulque per Apuliae fines a... principe, ut vectigalia exinde exigeret.

¹⁾ *Erchemp.* сс. 7, 8, 10 и др.

²⁾ *Id.* с. 22:... tradidit, ne unquam, quantum ad se pertineret, sinerent Beneventum cum Salerno pacisci: quia non erit, inquit, vobis profuturum.

³⁾ *Chron. Salern.* с. 72.

⁴⁾ *Erchemp.* с. 16.

ника. Вскорѣ, особенно послѣ завоеванія Тарента, они до того упрочились въ Апуліи, что изгнать ихъ стало невозможнымъ. Сикенольфъ, въ свою очередь, не остался въ долгу: онъ призвалъ испанскихъ арабовъ ¹⁾, которые дали себя уже чувствовать въ Сардиніи, Корсикѣ и на западномъ берегу Италіи. Чѣмъ болѣе длилось междуусобіе лонгобардскихъ герцоговъ, тѣмъ болѣе росло количество арабовъ въ Италіи и тѣмъ сильнѣе становились они. Уже въ 845 г. сицилійскіе арабы захватили Мизено въ Неаполитанской области и отсюда стали грабить окрестные берега. Въ августѣ 846 г. они проникли въ устья Тибра и достигли безпрепятственно Рима. Находившаяся внѣ стѣнъ церковь св. Петра была, въ числѣ другихъ, разграблена и лишена драгоценностей и мощей, собранныхъ втеченіе вѣковъ. Черезъ нѣкоторое время они вернулись опять, но лига, составленная изъ южно-итальянскихъ городовъ и римлянъ, одержала надъ ними, въ союзѣ съ бурю, блестящую побѣду при Остіи (849) ²⁾. Послѣ этого набѣга на Римъ, папа Левъ IV выстроилъ стѣну вокругъ храма, чтобы обезопасить его отъ будущихъ нападений (Civitas Leonina).

Положеніе дѣлъ становилось чрезвычайно серьезнымъ. Особенно страшны были эти первые годы арабскихъ набѣговъ, когда христіане еще не привыкли къ новымъ врагамъ, и когда сами арабы съ неослабшимъ еще фанатизмомъ развертывали свои молодые силы. Въ стремительномъ порывѣ пронеслись они надъ страной, оставляя за собою груды развалинъ, поднимающееся къ небесамъ пламя и предсмертные стоны. Радельхизъ и Сикенольфъ примирились, благодаря посредничеству молодого императора, Людовика II, утвержденію котораго они подвергли договорную грамоту: старое беневентское герцогство было раздѣлено на два самостоятельныхъ — собственно Беневентъ и Салерно (849) ³⁾. Радельхизъ выдалъ даже арабовъ,

¹⁾ *Erchemp.* с. 17.

²⁾ *Gregorovius*, Geschichte der Stadt Rom, III, pp. 101 и сл.

³⁾ *Erchemp.* с. 19: et praesentibus omnibus Langobardis, inter duos praedictos viros totam provinciam Beneventanam aequitatis discrimine sub

находившихся у него на службѣ, Людовику II, который велѣлъ ихъ перебить¹⁾. Но ни то, ни другое не привело ни къ чему: сарацины уже освоились съ Италіей и вовсе не нуждались въ призывѣ христіанскихъ князей, чтобы опустошать ее. А въ отищеніе за избиеніе беневентскихъ арабовъ, сицилійскій эмиръ, Аббасъ (851—861), вторгнулся въ Италію и увелъ тысячи плѣнныхъ въ Сицилію. Другой сарацинскій военачальникъ, Муфарриди Ибнъ-Селимъ, въ христіанскихъ хроникахъ Солтанъ, засѣлъ въ Бари и дѣлалъ безпрепятственно набѣги въ Апулію, Калабрию, Салернскую, Капуанскую и Неаполитанскую области. Капуя и Беневентъ находились почти въ непрерывной осадѣ. Чтобы успѣшно бороться съ невѣрными, необходима была правильная организація, а ея то при господствѣ сепаратизма и не было. Что было толку въ томъ, что Людовикъ II предпринималъ неоднократно походы²⁾ противъ арабовъ? Собственными незначительными силами и безъ посторонней помощи онъ могъ сдѣлать весьма немногое. При такихъ условіяхъ, даже столь маловажное событіе, какъ пораженіе Солтана, произвело такое впечатлѣніе, что вообще скупія на извѣстія хроника сочли нужнымъ внести его на свои страницы³⁾. Прошло нѣсколько лѣтъ, пока, наконецъ, Людовику II, путемъ чрезвычайныхъ усилій, удалось вооружить всю франкскую и лонгобардскую Италію и приступить къ освобожденію полуострова. Съ многочисленнымъ войскомъ выступилъ Людовикъ II лѣтомъ 967 г. въ походъ. Быстро завоевавъ Матеру, Венозу, Канозу, Орию и др. города, онъ подступилъ къ Бари и осадилъ его съ суши⁴⁾. Скоро, однакоже, онъ убѣдился, что осада безплодна, пока городъ открытъ съ моря: Сарацины

jurejurando dispertivit. Chron. Salern. c. 85 a:... inter se statuerunt, quatenus ante optatum Lodogici regi talia firmarentur... Ab illo denique tempore Salernitani peculiarem optinent principatum. V. Muratori, p. 27.

¹⁾ *Erchemp.*, *ibid.*

²⁾ *Id.*, cc. 20, 29.

³⁾ *Annales Beneventani* sub a. 866 (SS. III, p. 174). *Erchemp.* c. 33.

⁴⁾ *Lupus Protospatarius* sub a. 867 (SS., VII, p. 52); *Erchempertus* c. 33; *Chronic. Salern.* c. 107.

получали совершенно свободно военную помощь и припасы. Изъ этого затрудненія Людовика вывелъ союзъ съ Византіей.

Иконоборческая эпоха кончилась. Наступила реакція въ лицѣ новой династіи — македонской, которая старательно уничтожала не только все, сдѣланное иконоборцами, но даже воспоминаніе о нихъ. Только въ одномъ отношеніи, въ экономическомъ, Василий I и его преемники шли по стопамъ Льва III и ближайшихъ къ нему императоровъ, и эти же самыя краснорѣчивыя образы доказали, что реформы иконоборцевъ не были результатомъ прихотей деспотовъ, а вызывались насущными потребностями всего народа. Македонская династія поддерживала сельскую общину, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта форма землевладѣнія пала, мелкую поземельную собственность. Въ провинціяхъ возникла могущественная аристократія, *δουατοί*, владѣвшая громадными латифундіями и захватывавшая мелкіе участки. Даже тѣ земли, которыя императоры, подобно Каролингамъ на Западѣ, раздавали военнымъ людямъ для облегченія и регулированія службы, поглощались ненасытными *δουατοί*. Въ виду этого императоры македонской династіи то и дѣло издають новеллы, съ цѣлью воспрепятствовать паденію мелкой собственности ¹⁾. Ихъ новеллы, такъ же какъ и капитуляріи Каролинговъ, не перестаютъ упрекать богачей въ захватъ имущества бѣдныхъ людей. Василий I облегчаетъ обиженнымъ пребываніе въ столицѣ для веденія процесса противъ хищниковъ. Константинъ VII издаетъ въ 922 г. указъ, запрещающій пріобрѣтать земли бѣдняковъ и военныхъ. Въ 947 г. онъ, новымъ указомъ, приказываетъ возвратитъ бѣднымъ земли, захваченныя или купленныя въ голодные годы богачами. Никифоръ Фока пошелъ дальше всѣхъ и напомнилъ собою Льва Исавря: онъ вступилъ въ борьбу съ духовенствомъ, помѣстья котораго успѣли при первыхъ македонскихъ царяхъ занять громадную часть государства, и запретилъ постройку новыхъ монастырей; постриженіе въ монахи было втѣченіе всего X вѣка обставлено большими

¹⁾ Rambaud, III, ch. V; *Pararrigorio*, p. 246.

затрудненіями ¹⁾). Не смотря, однакже, на всѣ эти хѣры, жизнь дѣлала свое: мелкая собственность продолжала падать, крестьяне обращались въ крѣпостныхъ, и въ Византіи все усиливался общественный классъ, изъ котораго, при болѣе слабой централизаціи, могло легко выработаться, какъ на Западѣ, феодальное сословіе.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ новая династія повела себя въ разрѣзъ съ дѣяніями императоровъ-иконоборцевъ. Особенно это выразилось въ ея западной политикѣ. Иконоборцы были заняты преимущественно внутренними дѣлами; войны они вели въ Малой Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ съ врагами, угрожавшими существованію государства. Наоборотъ, македонская династія, быть можетъ, съ цѣлью отвлечь вниманіе общества въ другую сторону, придерживалась политики завоеваній, политики, общей всѣмъ реакціоннымъ правительствомъ. Она обратила свое вниманіе на Италію, гдѣ владѣнія Восточной Имперіи въ предшествовавшую эпоху сократились до минимума ²⁾). Василій I указалъ путь всей дальнѣйшей политикѣ Византіи, направленной къ приобрѣтенію новыхъ владѣній въ Италіи и соотвѣтственному возвышенію вліянія на дѣла полуострова. Правда, будущее показало, что политика эта была одной изъ самыхъ превратныхъ; благодаря ей, Византія должна была в теченіе двухъ сотъ лѣтъ напрягать свои силы въ борьбѣ съ лонгобардами, арабами, вѣнцами и норманами, чтобы въ концѣ концовъ быть все таки вытѣсненной изъ Италіи. Но замѣчательно то, что, разъ поставивъ себѣ цѣль, и притомъ такую отдаленную, какъ покореніе страны, гдѣ у нея не было уже почти ни одной пяди земли, Византія добивалась этой цѣли съ энергіей, послѣдовательностью и ловкостью, достойной любого дипломата.

¹⁾ См. выше, стр. 14.

²⁾ *Cedreno*, II, p. 218:... καὶ πάσης σχεδὸν ὅση τῆ βασιλείᾳ Ῥωμαίων ἀνήκει Ἰταλίᾳ, καὶ τῶν πλείστων τῆς Σικελίας ὑπὸ τῆς τῶν Καρχηδονίων δυνάμεως καταπολεμήσεως...

Василій I охотно отвѣчалъ на призывъ Людовика II. Есть даже извѣстіе, стоящее, впрочемъ, особнякомъ, что онъ самъ предложилъ Людовику II союзъ¹⁾. Какъ бы то ни было, Василій I тотчасъ-же прислалъ флотъ подъ начальствомъ Никиты Орифи²⁾, который осадилъ Бари съ моря. Новые союзники вели въ то же время переговоры о бракѣ, который долженъ былъ соединить оба двора родственными связями. Но такъ какъ переговоры приняли неблагоприятный для Византіи оборотъ, то Василій I отозвалъ свой флотъ³⁾. Сарацины стали опять получать помощь съ моря и даже дѣлать вылазки противъ осаждающихъ. Вскорѣ, однакоже, Василій снова прислалъ флотъ съ патриціемъ Георгіемъ во главѣ. На этотъ разъ осада была довершена, и въ 871 г., послѣ трехъ-лѣтняго сопротивленія, Бари, находившійся 30 лѣтъ въ рукахъ арабовъ, былъ взятъ⁴⁾. Добычу союзники подѣлили между собою, городъ же достался Людовику II, который въ непродолжительномъ времени приступилъ къ осадѣ послѣдней твердыни арабовъ въ Южной Италіи—Тарента. Казалось, для сарацинъ настала послѣдній часъ, какъ вдругъ наступили неожиданныя событія. Василій I не могъ равнодушно смотрѣть на успѣхи Людовика, и перспектива увидѣть Южную Италію въ рукахъ франкского императора была гораздо непріятнѣе дѣйствительности, когда при вѣчной борьбѣ арабовъ съ лангобардами и этихъ между собою можно было кое-какъ проводить свой углый чепухъ. Разсчетлива, коварна была вся политика Византіи; таковы, впрочемъ, были и личныя свойства Василія. Онъ прислалъ Людовику письмо, которое должно было положить конецъ союзу двухъ имперій. Письмо это не сохранилось, но

¹⁾ *Chron. Salern.*, c. 103: *Basilius... legationem ipse Lodognici regi protinus misit, quatenus cum suo exercitu veniret et Agarenos de Ausoniae finibus potenter sibi et eiceret, muneraque illi infinita mittens.*

²⁾ *Cedrenus*, II p. 220, 221.

³⁾ *Muratorius*, *Annali d'Italia*, V, p. 77 (cit. *Ann. Bertiniani*).

⁴⁾ *Lupus Protospatarius* (*MM. G. VII*, p. 57) sub a. 868; *Ann. Benevent.* (p. 174) sub a. 871; *Erchemp.* c. 33. *Chron. Salern.*, c. 107.

его содержаніе можно возстановить изъ отвѣтнаго посланія Людовика II. Василій упрекалъ Людовика въ присвоеніи императорскаго титула, который по праву можетъ принадлежать одному лишь византійскому царю. Съ теоретической точки зрѣнія въ этомъ упрекѣ не было ничего необыкновеннаго: Византія совершенно искренно считала себя преемницей Римской имперіи и на все окружающее смотрѣла глазами цезарей. Въ теоріи она считала себя госпожей всѣхъ народовъ, съ которыми ей приходилось сталкиваться. Прислать подарки и посланника константинопольскому царю значило исполнить только долгъ, уплатить дань. Понятно почему: границы Византіи на востокѣ и западѣ тѣ же, что и границы Римской имперіи. Правда, большая часть ея владѣній занята варварами, даже цѣлыми государствами, какъ Франція, Германія, Испанскій халифатъ, Итальянское королевство. Но *contra jus*, думала Византія, *pro jure*: это узурпація — не больше, и рано или поздно Византія добьется осуществленія своихъ верховныхъ правъ. Оттого-то Константинъ VII, дрожавшій за участь своей столицы, могъ писать: «самодержецъ Константинополя — владыка моря до геркулесовыхъ столбовъ»¹⁾, между тѣмъ, какъ почти все побережье Средиземнаго моря было въ рукахъ арабовъ. Оттого и Никифоръ Фока могъ смотрѣть на Дунай, на берегахъ котораго за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ утвердились болгаре, какъ на естественную границу своей имперіи²⁾. Оттого, наконецъ, слѣпой Исаакъ Ангелъ, накануне Латинской имперіи, могъ мечтать о всемірной монархіи. Византія вѣрила, что за ея предѣлами для рода человѣческаго нѣтъ ни счастья, ни свободы; въ своихъ завоеваніяхъ она руководилась лишь желаніемъ добра своимъ противникамъ — такъ, по крайней мѣрѣ, она заявляла. Византія — οἰκουμένη, страна, населенная людьми, внѣ ея — ἔρημος, пустыня.

¹⁾ *Comes. Byzant. Hist.* De thematibus II, p. 58: κρατεῖται δὲ νῦν ἀπὸ τῆν ἀρχῆν Κωνσταντινουπόλεως διὰ τὸ τὸν αὐτοκράτορα Κωνσταντινουπόλεως βασιλοκρατεῖν μέχρι τῶν Ἠρακλέους στηλῶν καὶ πάσης ὁμοῦ τῆς ὄψε θαλάσσης.

²⁾ *Vasilevskia*, Записка греческаго топарха, стр. 430.

Понятно, что для поддержанія такихъ міродержавныхъ возрѣній нужно было строго соблюдать внѣшность, если уже нельзя было сохранить сущность. Въ послѣднемъ ключѣ своихъ владѣній, въ какомъ нибудь приморскомъ городкѣ, правительство содержало губернатора, которому нечѣмъ было управлять, но за то въ общемъ списокѣ темъ продолжало красоваться названіе соотвѣтственной провинціи. Если не было и этого послѣдняго клочка, то Византія убѣждала иностраннаго государя принять на себя титулъ намістника императора: всевозможные короли и царьки числились въ списокѣ высшихъ придворныхъ чиновниковъ. Особенно ревниво оберегала Византія внѣшность въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ: въ ея официальномъ словарѣ было 75 титуловъ ¹⁾, которые она давала иностраннымъ государямъ; высшій изъ этихъ титуловъ былъ βασις. Ничто не возбуждало ее въ такой степени, какъ присвоеніе кѣмъ либо священнаго титула императора—Βασίλευς. Никифоръ Фока былъ готовъ скорѣе простить Оттону I захватъ владѣній, чѣмъ присвоеніе императорскаго титула ²⁾. Титулъ βασιλευς'а былъ готовымъ мотивомъ для любого спора, который затѣвала Византія. Такъ и теперь, Василій I однимъ изъ существенныхъ мотивовъ разрыва дѣлалъ захватъ священнаго титула «царя».

Но Василію было не столько важно торжество его теоретическихъ возрѣній, сколько практическіе результаты. Поэтому въ своемъ письмѣ онъ старался умалить заслуги Людовика во взятіи Барн. Изъ этого ясно было, что Василій I уже направилъ свои взоры на этотъ важный въ торговомъ и стратегическомъ отношеніи городъ. Людовикъ II былъ, однакоже, настолько наивенъ, что не переставалъ считать Василія своимъ союзникомъ и ожидать прибытія греческаго флота ³⁾. Понятно, что его ожиданія не сбылись: союзъ двухъ императоровъ разстроился, вслѣдствіе столкновенія интересовъ, окончательно.

¹⁾ *Const. Porphyr. De cerimoniis*, II, 45.

²⁾ *Legatio Lindprandi*, с. 25.

³⁾ *Chron. Salern.*, с. 107 (р. 527).

Если этот разрывъ былъ уже самъ по себѣ важенъ для исхода борьбы съ сарацинами, то другое одновременное событіе еще болѣе усложнило дѣло. Опасенія Василия I относительно усиленія Людовика II раздѣляли и южно итальянскіе князья; они боялись, что, покончивъ съ арабами, императоръ обратитъ свое оружіе противъ нихъ¹⁾. Поэтому, такъ же какъ и Василий I, они предпочли набѣги арабовъ господству императора въ Южной Италіи, такъ какъ при первыхъ они могли во всякомъ случаѣ сохранить свою независимость. Неаполь появлялъ это раньше другихъ: онъ успѣвши заключить союзъ съ сарацинами и сталъ вмѣстѣ съ ними грабить на сушѣ и на морѣ, такъ что, какъ писалъ Людовикъ II въ своемъ письмѣ къ Василию I, не было никакой разницы между Неаполемъ, Палермо и Африкой²⁾. Послѣ взятія Бари остальные южноитальянскіе князья пошли по одному пути съ Неаполемъ. Людовикъ II гостилъ въ Беневентѣ, гдѣ его жена и свита возбудили всеобщее недовольство своею жадностью къ деньгамъ. Сарацинскій царекъ, Солтанъ, взятый въ плѣнъ при паденіи Бари, руководясь понятными побужденіями, сообщилъ беневентскому герцогу, Адельгизу, будто Людовикъ II собирается увезти его вмѣстѣ съ герцогомъ Капуи за Альпы и лишить княжества независимости³⁾. Этого было достаточно, чтобы заставить князей, которые уже и безъ того готовы были измѣнить свою политику по отношенію къ императору, рѣшиться на неслыханный по своей дерзости поступокъ. Беневентскій, капуанскій, неаполитанскій и салернскій герцоги составили заговоръ противъ Людовика. Ночью заговорщики проникли во дворецъ, схватили импера-

¹⁾ Что эти опасенія были справедливы, видно изъ слѣдующаго мѣста *De imperatoria potestate*:.... Beneventi fines ingressus est et totius Calabriae.... quod provincia esset Italiae, volens totius regni fines suae vindicare ditioni (SS. III. p. 721).

²⁾ *Chron. Salern.*, c. 107 (p. 526)... facta videtur esse Neapolis Panormus vel Africa.

³⁾ *Cedrenus*, II, pp. 221, 222 и слѣд. *Erchensp.* c. 34. *Chron. Salernit.* c. 109. *Lapsus Protosp.* sub a. 868 (p. 52). *Ann. Benevent.* sub a. 871 (p. 174). *Muratorii*, V, p. 90. *Dümmler*, I, pp. 713 и сл.

тора и посадили его въ башню, въ которой продержали болѣе мѣсяца. Благодаря посредничеству епископа, его, наконецъ, освободили, взявъ предварительно клятву, что онъ никогда не будетъ мстить за обиду (871 г.).

При всемъ желаніи, Людовикъ не могъ тотчасъ-же отомстить за позоръ. Дѣла звали его въ сѣверную Италію. Съ его удаленіемъ все достигнутое въ борьбѣ съ сарацинами пошло прахомъ. Тарентъ остался въ ихъ рукахъ. Мало того, паденіе Бари подлило масла въ само по себѣ яркое пламя. Въ Африкѣ снарядили 30 тысячное войско, которое осадило Салерно (872)¹⁾. Осада продолжалась долго, благодаря крѣпости стѣнъ и храбрости осажденныхъ, сарацины же, пользуясь временемъ, грабили незащищенные села и церкви. Амальфитанскій герцогъ, Маринъ²⁾, который послѣдовалъ было уже призыву Неаполя и вступилъ въ союзъ съ арабами, сжался надъ салернитянами и сталъ доставлять имъ съѣстные припасы. Осажденные обратились къ Василию³⁾, но императоръ не очень торопился. Наконецъ, вѣсть объ опасности, грозившей христіанской Италіи, дошла до Людовика II; забывъ о нанесенномъ ему оскорбленіи, онъ поспѣшилъ на выручку. Ему удалось разбить арабовъ на голову⁴⁾. Освобожденный папой отъ клятвы, данной Адельгизу и его сообщникамъ, Людовикъ наказалъ нѣкоторыхъ изъ надругавшихся надъ нимъ заговорщиковъ, сославши ихъ за Альпы. Но отъ мщенія Адельгизу ему пришлось отказаться, такъ какъ герцогъ обратился къ Василию, который на этотъ разъ охотно прислалъ военную помощь. Узнавъ о приближеніи греческаго флота, Людовикъ оставилъ Беневентъ въ покоѣ и примирился съ Адельгизомъ. Немного спустя императоръ умеръ (875).

¹⁾ *Erchemp*, с. 35; *Chron. Salern.* сс. 110 и сл.; *Cedrenus*, II, 224 рассказываютъ объ осадѣ Капуи и Беневента.

²⁾ *Chron. Salern.*, с. 111.

³⁾ *Cedrenus*, II, 224.

⁴⁾ *Erchemp*. с. 35. *Chron. Salern.* с. 117.

Со смертью Людовика II исчезла надежда на избавление Южной Италии от арабовъ. Осада Тарента была снята какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда городъ готовъ былъ сдаться, и сарацины снова разлились потокомъ по всей территоріи Бари и Каньи¹⁾, уничтожая съ обычной жестокостью села и монастыри и уводя массы плѣнныхъ. Они предприняли одинъ за другимъ три набѣга на Беневентъ, но всякій разъ Адельгизъ отбивалъ ихъ нападеніе. Въ слѣдующемъ году (876) къ нимъ пришли на подмогу изъ Африки новыя войска, которыя опустошили окрестности Беневента, Телезін, Алифи, и на этотъ разъ Адельгизъ оказался вынужденнымъ откупиться отъ нихъ и отпустить на волю Солтана, попавшаго въ плѣнъ при взятіи Бари²⁾. Съ этого времени тревожному, мучительному состоянію въ ожиданіи и воплямъ разграбленныхъ и плѣнныхъ послѣ набѣга не стало видно конца. Обстоятельства на полуостровѣ сложились такъ, что арабы сдѣлались однимъ изъ важнѣйшихъ рычаговъ политической машины.

Измѣнивъ Людовику II, южнотальянскіе князья попали изъ огня въ полымя. Послѣ него явился новый, на этотъ разъ настоящій, открытый врагъ ихъ независимости — папа Іоаннъ VIII³⁾ Это былъ послѣдній въ ряду выдающихся папъ IX в., которые, опираясь на императоровъ, создали себѣ сильную свѣтскую власть. Однакоже, добившись ея, папы выказали черную неблагодарность къ своимъ покровителямъ и воспользовались первымъ попавшимся случаемъ, чтобы втоптать ихъ въ грязь. Іоаннъ VIII возложилъ императорскую корону на Карла Лисаго, какъ на своего вассала, и заставилъ его отречься отъ господства въ Римѣ. Этотъ гордый, властолюбивый папа думалъ побороть сепаратизмъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей Италиі, объединить весь полуостровъ вокругъ

¹⁾ *Erchemp.* с. 38. *Chron. Salern.* с. 120.

²⁾ *Erchemp.* с. 38. *Cedrenus*, II, р. 224 и сл. рассказываетъ иначе объ освобожденіи Солтана изъ плѣна.

³⁾ *Gregorovius*, III, 180 и слѣд. *Muratori*, V, р. 118. *Dümmler* I р. 837.

рискаго престола и образовать одну обширную теократію. Вслѣдствіе этого, все его правленіе прошло въ упорной борьбѣ съ средне- и южноитальянскими князьями, борьбѣ, оказавшейся ему не по силамъ. Онъ ослабилъ императорскую власть и этимъ косвенно ослабилъ самого себя. Въ концѣ концовъ обнаружилось, что все его войско заключалось въ бойкомъ и краснорѣчивомъ перѣ, а весь арсеналъ въ щедро расточаемомъ церковномъ проклятіи. Его враги же, Беневентъ, Салерно, Неаполь, Амальфи, Гаета были несравненно лучше приготовлены: они пошли по проложенному уже ранѣе пути и, отбросивъ всякія религіозныя сомнѣнія, вступили въ союзъ съ невѣрными¹⁾. Какъ ни различны были ихъ частные интересы, у однихъ (Неаполя, Амальфи, Гаеты) торговня цѣли, у другихъ (Салерно, Беневента) желаніе сколько нибудь обезопасить свои владѣнія, — всѣ сходились въ одномъ отношеніи: всѣмъ было одинаково важно сломить честолюбіе папы. И папа почувствовалъ тяжелую руку послѣдодателей лжепророка. Въ 876 и въ слѣдующіе годы арабы проникли въ римскую Кампанію, разграбили Сабину, перешли черезъ Аніо и черезъ Тибръ, опустошили Лаціумъ и Тусцію и нѣсколько разъ подходили къ воротамъ вѣчнаго города²⁾. Села и монастыри, насажденія многихъ папъ, были разрушены до основанія, огромное зарево освѣщало картины убійства, грабежа и насилія. Поля опустѣли; кто уцѣлѣлъ отъ меча арабовъ или не былъ уведенъ ими въ плѣнъ, чтобы слѣзть въ неволѣ, тотъ бѣжалъ въ Римъ, стѣны котораго скоро уже не въ состояніи были выдержать всѣхъ бѣглецовъ. Посреди этихъ бѣдствій, когда всякій «проклиналъ тотъ день, когда родился, и считалъ счастливыми безплодныхъ женъ», Іоаннъ VIII обнаружилъ рѣдкую энергію и превзошелъ своего великаго предшественника, Григорія I. Онъ пишетъ

¹⁾ *Chron. Salern.* c. 121. Tunc Salernum, Neapolim, Gaeta, et Amalfim pacem habentes cum Agarenis, navalibus Romam gravi angustiabant depopulatio. *Erchemp.* c. 39.

²⁾ *Muratori*, p. 18; *Gregorovius*, p. 188; *Dümmler*, II, p. 30.

пламенные письма «могущественному» императору, его намѣстнику, императрицѣ, епископамъ, всему свѣту, рисуя бѣдственное положеніе св. престола, предрекая близость кончины міра и умоляя явиться на помощь. Услышавъ о прибытіи греческаго флота, подъ начальствомъ Григорія Педагога въ Калабрию (877)¹⁾, о побѣдѣ Григорія и Теофилакта надъ сарацинами въ Тирренскомъ морѣ (880)²⁾, онъ спѣшилъ просить у нихъ нѣсколько кораблей для защиты римскихъ береговъ. Но не только просить умѣлъ Іоаннъ VIII; онъ и самъ дѣйствовалъ, и какъ воинъ, и какъ дипломатъ. Онъ выстроилъ на собственныя средства маленькую флотилію и разбилъ арабовъ при Цирцейскомъ мысѣ, при чемъ взялъ въ плѣнъ 18 судовъ и освободилъ 600 христіанскихъ рабовъ³⁾. Не смотря на эту побѣду, наполнившую Іоанна VIII гордостью и возвѣщенію имъ всему христіанскому міру, ему скоро пришлось обзавестись платить сарацинамъ ежегодную дань въ 25 тысячъ манузій⁴⁾. Но болѣе всего стоялъ папа на высотѣ своего положенія, какъ дипломатъ. Онъ предпринималъ неоднократныя поѣздки въ важные города. Въ Неаполѣ онъ попытался разстроить лигу герцоговъ и отвлечь душу ея, Сергія II Неаполитанскаго, отъ союза съ сарацинами. Ему удалось вооружить Гвайферія Салернскаго противъ Сергія II (877), который, не смотря ни на милость папы — посвященіе брата его, Аеванасія, въ епископы Неаполя, ни на угрозы его и отлученіе отъ церкви, не желалъ отстать отъ выгоднаго ему во всѣхъ отношеніяхъ союза. Понятно, поэтому, какъ торжествовалъ папа, когда Аеванасій II свергнулъ своего брата съ престола, выкололъ ему глаза и отослалъ его въ Римъ⁵⁾. Но непродолжительна была радость папы: Аеванасій пошелъ по стопамъ брата⁶⁾, и ни просьбы, ни

¹⁾ *Muratori*, p. 123.

²⁾ *Id.* p. 147; *Murali*, p. 460.

³⁾ *Gregorovius*, p. 192 и сл.

⁴⁾ *Muratori*, p. 132; *Dümmler*, II, p. 74.

⁵⁾ *Erchemp.* c. 39; *Chron. Sal.* c. 121.

⁶⁾ *Erchemp.* c. 44.

угрозы, ни проклятія не помогали. Въ Венеventѣ Іоаннъ VIII поставилъ брата Адельгиза, Айна, епископомъ¹⁾, думая стать подкупить герцога, но напрасно. А амальфитанскій герцогъ, Пулькарн, обманулъ папу самымъ наглнымъ образомъ: онъ обѣщалъ отложиться отъ лиги и прислать на помощь свой флотъ; получивъ 10 тысячъ манкузи, онъ, однакоже, и не думалъ исполнять обѣщаніе и на упреки папы отвѣчалъ, что ему слѣдуетъ получить еще 2 тысячи²⁾. Всѣ они продолжали въ союзѣ съ сарацинами дѣлать набѣги на папскія владѣнія. Аеанасій II призвалъ изъ Сициліи арабовъ подъ начальствомъ Сиканна и поселилъ ихъ у подошвы Везувія (881)³⁾. Векорѣ, однакоже, онъ раскаялся, такъ какъ сарацины не поддали и союзниковъ, и соединился съ капуанскимъ и салернскимъ герцогами, чтобы прогнать ихъ. Папа, видя себя отъ радости, воспѣвшимъ снять съ Аеанасія II отлученіе, но ему самому не стало отъ этого легче: сарацины нашли убѣжище въ Агрополѣ, у Пестумскаго залива. Тѣснимый папскими вассалами, Доцибидисъ, герцогъ Гаеты, обратился къ ихъ помощи⁴⁾. Наконецъ, арабы основали укрѣпленіе на правомъ берегу Гарьяно (882), и отсюда нѣсколько десятилѣтій ереду грабили среднюю и южную Италію и разрушили множество монастырей, въ томъ числѣ знаменитый Монте-Кассино (884). Іоаннъ VIII умеръ отъ яда (882), унося въ могилу не сбывшіяся мечты о господствѣ въ Италіи.

Ворьба герцоговъ съ папой не была единственной причиной усиленія арабовъ на полуостровѣ. Безпрестанныя междуусобія князей и раздоры партій въ городахъ въ неменьшей степени вели къ тому же. Но еще болѣе, чѣмъ сарацинамъ, междуусобія были на руку грекамъ, которые съ жадностью ловили случаи къ вѣшателству. Капуя, находившаяся въ вассальномъ отно-

¹⁾ *Muratorì* p. 123.

²⁾ *Muratorì* p. 139; *Dümmler* p. 172.

³⁾ *Erchomp.* c. 49.

⁴⁾ *Id. ibid.*

шөвіяхъ къ папѣ, принимала мало участія въ лигѣ съ сарацинами, не столько вслѣдствіе этихъ отношеній, существовавшихъ больше на бумагѣ, сколько вслѣдствіе непрерывныхъ раздоровъ въ самомъ городѣ. Послѣ смерти епископа Ландольфа, утверждавшаго, что «всякій разъ, какъ онъ увидитъ монаха, съ нимъ непремѣнно приключится несчастіе»¹⁾, въ Капуѣ произошли смуты изъ за избранія новаго епископа. Образовались двѣ партіи, изъ которыхъ каждая выставила своего кандидата²⁾. Пока обѣ стороны силились одолѣть другъ друга, сарацины сдѣлали набѣгъ на Капую и опустошили ея окрестности. Наконецъ, соперники рѣшились обратиться къ внѣшней помощи. Одна партія призвала Гвайферія Салернского, который, не взирая на мольбы и угрозы папы Іоанна VIII, подступилъ къ городу. Другая партія, съ герцогомъ Панденольфомъ во главѣ, обратилась къ Гайдеризу Беневентскому и къ греческому патрицію, Григорію, общая каждому изъ нихъ подчиненіе и вѣрность. Гайдеризъ и Григорій пришли съ двухъ разныхъ сторонъ и, увидя себя обманутыми, удалились, между тѣмъ, какъ салерскій герцогъ осадилъ Капую. Съ наступленіемъ зимы Гвайферій тоже ушелъ, опустошивъ въ окрестностяхъ все, что еще осталось послѣ арабовъ. Чтобы положить конецъ раздорамъ, Іоаннъ VIII раздѣлилъ епископство на двое — старое и новое³⁾; для этого онъ даже лично явился въ Капую. Но отъ раздѣла епископства смуты не прекратились.

Волѣе всѣхъ нарушалъ спокойствіе и миръ Аѳанасій II. Онъ то и дѣло, предводительствуя легкими отрядами арабовъ и грековъ⁴⁾, нападалъ на Капую и опустошалъ ея окрест-

¹⁾ *Erchemp.* c. 31: Quotiens monachum visum cerno, semper mihi futura dies auspicia tristitia subministrat.

²⁾ *Id.* cc. 40, 41 и сл.

³⁾ *Id.* c. 47; *Chron. S. Benedicti* (SS. III), p. 205.

⁴⁾ *Erchemp.* c. 57: Collectis Graecis Materensibus, Aegipciis et Neapolitibus... urbem Capuanam temptavit invadere; c. 60: Qui junctus est Graecis...; c. 67: Graecos et Neapolites seu omnes Capuanos... movens super Abellanum misit castrum...; c. 73... collecto Athanasius multitudine exercitu mixto Graecorum, Neapolitensium et Hismaelitarum, equitantium et pedestrium, misitque illos adversus Capuam pugnaturus.

ности (884, 885). Когда, усмиренный папой Стефаном V, Гвидо Сполетскій вторгнулся въ гнѣздо сарацинскихъ разбойниковъ на Гарильяно¹⁾, капуанцы обратились къ послѣднему и признали его верховную власть. Только онъ удалился, какъ Аванасій съ греками опять напалъ на Капую, чтобы при первой вѣсти о приближеніи Гвидо опять бѣжать. На этотъ разъ (886) Гвидо вѣроломнымъ образомъ схватилъ прибывшаго въ Капую для переговоровъ съ нимъ беневентскаго герцога Айона и заключилъ его подъ стражу. Ведя Айона съ собой, онъ явился въ Беневентъ и занялъ городъ своимъ войскомъ. Сипонтиацки, однакоже, удалось въ непродолжительномъ времени освободить Айона и прогнать Гвидо²⁾. Въ слѣдующемъ (887) году³⁾ Аванасій помогъ Атенольфу завладѣть капуанскимъ престоломъ, въ благодарность за что послѣдній призналъ его своимъ сюзереномъ. Но Гвидо снова нагрязнулъ и заставилъ Аванасія разорвать грамоту и возвратить взятаго въ заложники сына Атенольфа⁴⁾, который послѣ того призналъ сюзеренитетъ папы надъ Капуей и Гаетою, захваченной имъ незадолго передъ тѣмъ. При этомъ Атенольфъ обѣщалъ защищать папскія владѣнія отъ гарильянскихъ разбойниковъ, которые успѣли уже оправиться отъ пораженія, нанесеннаго имъ Гвидо. Само собою разумѣется, что хитрый Атенольфъ и не думалъ соблюдать обязательство относительно папы: во все свое правленіе онъ склонялся, какъ флюгеръ, то на сторону Аванасія Неаполитанскаго, то къ Салерно, то къ грекамъ, и впоследствии, благодаря этой политикѣ привѣненія къ обстоятельствамъ, завладѣлъ беневентскимъ герцогствомъ⁵⁾.

Такъ лилась кровь въ Южной Италіи и отъ руки арабовъ, и отъ меча своихъ. Мы видѣли, что почти ни одно междуусобіе не обходилось безъ участія арабовъ и грековъ.

¹⁾ *Erchemp.* с. 58.

²⁾ *Id.* с. 59.

³⁾ *Id.* с. 52.

⁴⁾ *Id.* с. 65.

⁵⁾ *Ann. Venet.* sub a. 900 (p. 174).

Но, если первые довольствовались насилиемъ и грабежомъ, безъ всякаго колебанія иѣняли знамя, проливая свою кровь безъ всякой цѣли, какъ въ послѣдствіи швейцарскіе наемники, то греки иѣли предъ ними громадное преимущество: они были прежде всего политиками и потому рано или поздно должны были остаться господами. Византія неустанно воевала съ арабами, чтобы защитить свои владѣнія отъ нихъ, но въ то же время зорко слѣдила за политическимъ положеніемъ полуострова. Она разомъ гналась за двумя зайцами, и одно время казалось, что поймаетъ обоихъ. Разрывая союзъ съ Людовикомъ II, Василий I вовсе не думалъ мириться съ утвержденіемъ въ Южной Италіи арабовъ, которые какъ разъ въ эти годы доканчивали покореніе Сициліи. Византія продолжала поэтому вести съ ними ожесточенную борьбу и даже неоднократно пыталась создать лигу южноитальянскихъ князей противъ невѣрныхъ, справедливо рассчитывая на то, что избавившись отъ однихъ, ей легко будетъ покончить и съ другими. Но южноитальянскіе князья могли поспорить съ Византіей относительно макіавелизма и безусловно затыкали уши предъ иѣніемъ сирени-Византія³⁾. Неудача на этомъ поприщѣ однако-же не обезкуражила Византію. Она рѣшилась вести борьбу съ арабами на свой собственный рискъ. Мы то и дѣло видимъ греческій флотъ крейсирующимъ у береговъ Калабріи и Сициліи. Въ 880 году Григорій и Теофилактъ одерживаютъ блестящую побѣду надъ сарацинами въ Неаполитанскомъ морѣ⁴⁾. Въ 881 г. Левъ Апостилъ изгоняетъ арабовъ изъ Тарента⁵⁾. Немного спустя Назаръ дѣлаетъ набѣгъ на Сицилію; онъ высаживается у Заферино, доходитъ до Палермо, платя арабанъ за ихъ жестокости ихъ же монетой, и удаляется съ богатой до-

¹⁾ *Erchemp.* c. 39: Interea ipsi Graeci crebrinus legatos cum aedis Benevento, Salerno et Capua dirigebant, ut ab his auxiliarentur contra Saracenos; sed hi uno animo spernebant flagitationes. Cf. *Chron. Salern.* c. 120.

²⁾ *Muratori* p. 147; *Muralt* p. 480.

³⁾ *Lupus Protosp.* (p. 53) sub a. 880.

бичей¹⁾. Въ 884 г. Никифоръ Фока, дѣдъ императора того же имени, осадилъ С. Северино въ Калабріа, разбилъ посѣдившихъ на выручку агропольскихъ и гарильянскихъ арабовъ и взялъ, кромѣ Северино, Амантею и Тронею²⁾. За то въ 888 г. греки потерѣли страшное пораженіе близъ Реджіо³⁾. Рѣшающаго значенія не имѣли ни побѣды, ни пораженія, такъ какъ сарацины вели не правильныя войны, а скорѣе партизанскія. Тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ войнамъ, Византія сумѣла удержать за собою южную оконечность Италіи.

Рядомъ съ этимъ Византія мало по малу занутивала въ своихъ сѣтахъ весь полуостровъ. Уже въ 876 г. население Бари, боясь попасть снова въ руки арабовъ, призвало на помощь изъ Отранто патриція Григорія⁴⁾. Вѣроломный грекъ занялъ войсками городъ, схватилъ гастальда и знатнѣйшихъ жителей и отослалъ ихъ въ Константинополь. Выше мы говорили объ участіи грековъ въ войнахъ Аенасія Неаполитанскаго съ Капуей и Гвидо Сполетскимъ. Когда свергнутый въ Беневентѣ герцогъ Гайдеризъ бѣжалъ изъ тюрьмы, въ которую его бросилъ Гвидо Сполетскій, въ Бари и отсюда отправился въ Константинополь, Василій I принялъ его съ почетомъ и далъ ему въ управленіе Орію⁵⁾ (881): *divide et impera* — былъ девизъ византійской политики, завѣщанный ей еще римлянами. Въ 888 г. жители Бари, выведенные изъ терпѣнія греческой администраціей, перебили гарнизонъ и передали городъ во власть беневентскаго герцога Айона⁶⁾. Патрицій Константинъ съ греческимъ войскомъ и вспомогательнымъ сарацинскимъ отрядомъ посѣдившимъ въ Бари, разбилъ Айона на голову и загналъ его въ городъ. Айонъ сталъ звать на помощь Атенольфа Капуанскаго, котораго онъ самъ же поддер-

¹⁾ *Cedrenus* II, p. 230.

²⁾ *Id.* II, p. 236; *Erchensp.* с. 51.

³⁾ *Erchensp.* с. 81.

⁴⁾ *Id.* с. 38; *Lupus Protosp.* p. 52; *Ann. Venet.* p. 174.

⁵⁾ *Erchensp.* с. 48; *Ann. Venet.* p. 174.

⁶⁾ *Lupus, Protosp.* p. 53; *Ann. Venet.* p. 179; *Erchensp.* с. 76, 80.

живалъ во время его войны съ Аѳанасіемъ II. Но Атенольфъ предпочелъ заключить союзъ съ греками. Такъ же неудачны были попытки Айона привлечь къ себѣ Гвидо Сполетскаго и арабовъ; тогда, не будучи въ состояніи удержать за собой Бари собственными силами, ояъ возвратилъ городъ грекамъ¹⁾. Долгъ платежемъ красенъ, молвила Византія: Айону наследовалъ его семилѣтній сынъ, Орсо, и греки воспользовались этимъ положеніемъ княжества. Протоспатарій Симбатіцій осадилъ Беневентъ, которому не откуда было ждать помощи, и городъ послѣ трехлѣтней самообороны долженъ былъ сдаться (891)²⁾. Недовольствуясь этимъ, греки рѣшились завладѣть и Салерно, не смотря на то, что герцогъ Гваймаръ уже въ 887 г. отправился въ Константинополь и призналъ себя вассаломъ Византіи³⁾. Если бы не измѣна беневентскихъ нобилей, только по неволѣ переносившихъ иго грековъ, Салерно навѣрное подвергся бы участи Беневента⁴⁾. Последнимъ греки владѣли не долго: система ихъ управленія не создала имъ друзей среди населенія, которое, сверхъ того, не могло забыть свою вѣковую независимость. При посредничествѣ Гваймара Салернскаго, Беневентъ призвалъ Гвидо Сполетскаго, которому удалось послѣ кровавой сѣчи прогнать грековъ (896)⁵⁾. Беневентъ сталъ снова управляться своимъ законнымъ герцогомъ. Въ самомъ началѣ слѣдующаго вѣка (900) Атенольфъ, герцогъ Капуи, завладѣлъ Беневентомъ⁶⁾, и съ тѣхъ поръ оба княжества, Капуи и Беневентъ, управлялись одной династіей. Но хотя Византія не сумѣла непосредственно подчинить себѣ южноитальянскія герцогства, тѣмъ не менѣе она всетаки добилась того, что Южная Италія признала ее своей госпожей.

¹⁾ *Erchemp.* с. 80; *Muratori* p. 168.

²⁾ *Muratori* p. 199 (cit. *Leo Ostiensis* I, с. 49); *Lupus* p. 53; *Ann. Benevent.* p. 174; *Chron. Salern.* с. 143.

³⁾ *Erchemp.* с. 54, 67; *Muratori* p. 178.

⁴⁾ *Muratori* p. 206; *Ann. Benev.* p. 174; *Chron. Salern.* с. 145 и слѣд.

⁵⁾ *Lupus* *ibid.*; *Ann. Benev.* *ibid.*; *Muratori*, p. 221; *Chron. Salern.* с. 147;

⁶⁾ См. выше, стр. 35.

Въ 911 г. Атенольфъ, тѣснымъ гарильянскими сарацинами, отправилъ своего сына и соправителя, Ландольфа, въ Константинополь для принесенія ленной присяги; Ландольфъ вернулся въ Италию съ греческимъ флотомъ и съ титуломъ патриція¹⁾. Такимъ образомъ, въ началѣ X вѣка Византія была созереномъ всѣхъ южноитальянскихъ княжествъ, Неаполя, Апуліи, Гаеты, Капуи, Салерно и Беневента, и непосредственной владѣтельницей оконечностей полуострова, Калабріи и Апуліи. Когда въ 916 г. папа Іоаннъ X собрался уничтожить гарильянское гнѣздо, Византія привела ему на помощь свои войска и своихъ вассаловъ²⁾. Таковы были плоды ловкой, разсчитливой политики въ какихъ нибудь сорокъ лѣтъ.

Господство Византіи въ Южной Италиі находилось въ началѣ X вѣка въ своемъ апогеѣ. Съ этого момента оно начинаетъ колебаться, а Византія употребляетъ чрезвычайныя усилія, чтобы удержаться на достигнутой высотѣ. Это продолжалось втеченіе всего X и части XI в., до появленія норманновъ. Но что весьма важно, даже въ эту эпоху сравнительнаго упадка Византія отстаиваетъ свои права съ замѣчательной энергіей. Такъ какъ мы доводимъ наше изслѣдованіе только до половины X вѣка, то мы можемъ здѣсь лишь мимоходомъ указать на ея борьбу съ Оттономъ I и съ его преемникомъ, Оттономъ II.

Колебаніе византійскаго господства было обусловлено, какъ внѣшними, такъ и внутренними причинами. Прежде всего, непосредственныя владѣнія Византіи, Калабріа и Апулія, не могли быть довольными тѣмъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, который воздвигло или поддерживало константинопольское правительство. Въ тѣ годы, когда сарацины ихъ не трогали, обѣ темъ стонали подъ игомъ византійскаго управленія. Губернаторами Византіи назначала придворныхъ чинов-

¹⁾ *Muratori* pp. 263, 269.

²⁾ *Antapodosis* II, 52; *Vened. Chron.*, с. 29; *Lupis*, p. 53; *Ann. Benevent.* p. 175.

никовъ, часто евнуховъ ¹⁾, которые въ Константинополѣ вѣчно дрожали за свой носъ и глаза, а въ провинціи изъ послѣднихъ рабовъ становились первыми деспотами ²⁾. Они требовали себѣ безусловнаго почета, разыгрывая роль императора въ мимьютюрѣ. Когда прѣвѣжалъ новый начальникъ, всѣ, и свѣтскіе чиновники, и знатные люди, и высшее духовенство, слѣшили при вѣтствовать его ³⁾, рискуя иначе навлечь на себя его гнѣвъ. Губернаторъ пользовался неограниченною властью, отчасти потому, что провинціи находились всегда на военномъ положеніи. Но, вслѣдствіе этого, не было и границъ его произволу; онъ могъ безъ суда конфисковать имущество не только свѣтскихъ лицъ, но и монастырей ⁴⁾. Если какое нибудь лицо умирало въ отсутствіи своего наслѣдника, начальство прямо конфисковало наслѣдство ⁵⁾. Всѣ поступки начальства были безконтрольны, никто не смѣлъ противодействовать имъ. Только духовенство могло иногда выражать свои протесты ⁶⁾. Лишь въ крайнемъ случаѣ населеніе, выведенное изъ терпѣнія, апеллировало къ императору ⁷⁾, и тогда правителя смѣщали, бросали въ тюрьму и отрѣзывали уши и руки. Оттого, провинціальное начальство взвѣдывало обыкновенно отвѣтственность на низшихъ

¹⁾ *Vita S. Nili* IX, 65: Eunuchus cubicularius.

²⁾ *Cadrenus* II, 358—судьба Креанта, который нагребилъ деньги въ Калабріи и затѣлъ, отозванный въ Константинополъ, умеръ въ нищету.

³⁾ *Vita S. Nili* IX, 65: cum Rossanum esset olim ingressus, nec vidisset ad se accurrisse Patrem, nōrat vero illum solo famae rumore, miratus dicebat ad eos, qui praesentes aderant: ubi moratur Nilus monachus et qua ratione non venit ad me cum omnibus hegumentis, audito meo adventa? Ita enim nec ipse patriarcha mecum agere ausus esset, ut jactanter adventum meum contempnissie videretur.

⁴⁾ *Ibid.* I, 4: terroris et mirarum plenae perferuntur ad monasteria litterae a praetore totius provinciae, ut si quis imponere manus audeat tali clerico, manus ei praecideretur, ejusque monasterium fisco addiceretur.

⁵⁾ *Ibid.* VI, 43: Ille cursim reversus, mortuum reperit, et facultates ejus a fisco raptas.

⁶⁾ *Ibid.* passim; n. seq.

⁷⁾ *Ibid.* IX, 61: permittite tenuitati meae scribere ad ejus majestatem, et quicquid jasserit pium ejus imperium, toto animi studio exequemur.

чиновников¹⁾. Но и независимо от произвола, сама правительственная система была чрезвычайно тягостна, и население нередко въ отчаяннѣ хваталось за оружіе. Правительство закупало по принудительной таксѣ за безцѣннѣ весь хлѣбъ и потомъ продавало его народу въ три дорога²⁾. Для защиты береговъ и для набѣговъ на Сицилію правительство предписывало народу выставлять извѣстное количество судовъ съ необходимыми вооруженіемъ и экипажемъ. Однажды жители Россано выстроили, согласно приказанію, нѣсколько хеландій. Когда же пришлось вывести суда въ море, жители, не привыкшіе къ морской службѣ на хеландіяхъ, взбунтовались, сожгли корабли и убили капитановъ³⁾. Разсчетливое правительство, конечно, наказало ихъ, но постаралось извлечь и изъ наказанія какъ можно больше выгоды: оно подвергло весь городъ денежной

¹⁾ *Vita S. Nili IX*, 62: *conversa est indignatio in id temporis exactorem. Gregorius hic erat, cognomento Maleinus: et cum lateret, multo labore et plurimum impensis precibus impetrare potuit beatus Pater, ut ad magistri conspectum perduceretur. Ut vero illum vidit magister, quod aliter non valeret cor ebulliens erumpere ob sancti Patris reverentiam, surgens cum ira maledixit illi et omnibus domesticis ejus et omnibus, quae possidebat.*

²⁾ *Cedraeus II*, p. 358: ...*Κρηνίτης... τοὺς ὑπὸ χεῖρα τοῦ ματρίως ἐλάττωσε. πῶς γὰρ τὰς πρὸς τὸ ζῆν ἀπορρίμματα ἐδύνατο ἀπὸ τῶν ἐγγυρῶν ἀνοσούμενος...*

³⁾ *Vita S. Nili IX*, 60: *Regebat olim utramque provinciam, Italiam et Calabriam nostram, Nicephorus dignitate magistri praeditus, primus et unus ut hoc magistratu fungeretur missus a piis imperatoribus in eas provincias. По всей вѣроятности, это тоже лицо, о которомъ въ хроникѣ *Lucas Protospaterius* (SS, VII, p. 53) подъ 9-6 г. читаемъ: *introivit Nicephorus magister in civitatem Bari)... Cogitavit enim singulis Calabriae civitatibus naves illas edificare, quae vocantur Chelandia, quibus non solum urbes ipsae tutae essent ab incursionibus hostium, sed vicina etiam et hostilis Sicilia debellaretur. Quod aegre ferentes Rossanenses, ut qui chelandiorum hujusmodi ministerio assueti non essent, cum facta iam et in mare deducenda essent, fervore animi concitati irruunt confertim cum flamma et turbulento impetu, navesque coneremant et navium praefectos capite plectunt. Excanduit ad hoc magister contra Rossanenses et implacabile ira exarsit, quod exemplo illo et reliquae civitates consilium ejus fregissent: at Rossanenses re cognita... alterum sibi e duabus agendum deliberarunt, vel palam deficere et imperii iugum pressus excutere, maloque malum curare, vel certe pecunia et munerum copia bilem irati sedare.**

контрибуціи¹⁾. О судебныхъ порядкахъ можно судить уже по тому, что здѣсь въ полномъ ходу была родовая месть: родственникамъ убитаго выдавали головой не только убійцу²⁾, но даже родича убійцы, если послѣдному удавалось ускользнуть отъ преслѣдованія³⁾. При такомъ политическомъ режимѣ легко себѣ представить, каковъ былъ соціальный строй. Въ Южной Италіи, такъ же, какъ и въ другихъ провинціяхъ Византіи, возникъ могущественный классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые угнетали мелкаго поселенина. Эти крупные помѣщики впоследствии, когда пришли норманы, вошли въ ряды феодальной аристократіи⁴⁾; бѣдная же масса, находившаяся чуть-ли не въ рабскомъ положеніи въ норманскую эпоху, въ сущности перемѣнила только господина: греческіе *δουτοί* сосали изъ нея соки не менѣе завоевателей. Въ описываемую же нами эпоху, въ X в., народъ называлъ ихъ просто грабителями⁵⁾. Наслія, которыя они позволяли себѣ, были по истинѣ возмутительны: если они захватывали монастырскія земли и коло-

¹⁾ *Vita S. Nili* XI, 61: Nequaquam gladio perimemus, Pater, neque occidemus quemquam, sed facultates eorum facio addicemus.

²⁾ *Ibid.* XII, 80: Trade de duobus tuis filiis alterum consanguineis mortui, ut de eo faciant, quodcumque libuerit (τοῖς ἰδίοις τοῦ τελευτήσαντος, τοῦ ποιῆσαι ἐν αὐτῷ εἴ τι ἀν' ἑλπίων)..... Non possum hoc facere, timeo enim, ne illum occidant (μὴ πως αὐτὸν ἀποκτείνωσιν).

³⁾ *Ibid.* V, 35: In oppido, quod Bisinianum appellatur, juvenis quidam valde procaх obviam forte habuit Hebraeum a negotiatione redeuntem et captus aviditate mercium, gladio concisum jugulavit, tollensquo asinam cum sarcina fugam arripuit. Captus ergo est socer ejus a loci moderatoribus et Judaeis traditus ad crucifigendum ob jugulatum Hebraeum (Κρατηθεὶς εὖν ὁ τοῦτου κηδεσὴς ὑπὸ τῶν τότε πρακτόρων παραδίδεται τοῖς Ἰουδαίοις τοῦ σταυρωθῆναι ἀντι τοῦ σφαγέντος Ἑβραίου).

⁴⁾ *Ramnaud* pp. 287 и сл.; *Lenormant* II, pp. 406 и сл.

⁵⁾ *Vita S. Nili* VI, 45: Est oratorium in summa Rossani parte.... S. Anastasiae dicatum, ab Eupraxio imperiali quondam giudice Italiae et Calabriae exaedificatum, quod postea sacrum extitit domicilium virginum. Hujus sacri loci curam demandaverat idem Eupraxius cuidam monacho, Antonio nomine: qui cum esset pecuniosus et morti vicinus, *timens rapacitatem principum sancta absorbentium*, ad... beatum Patrem confugit.

новъ¹⁾ и никто не рѣшался жаловаться, то съ мелкимъ поселянствомъ они, понятно, поступали еще безцеремоннѣе.

Вслѣдствіе тяжкаго гнета со стороны правящихъ классовъ, Калабрія и Апулія ежеминутно готовы были возмутиться. А вассалы Византіи только раздували пламя. Правда, прибрежные города, Неаполь, Амальфи, Гаета, города, принадлежавшіе Византіи еще со временъ Юстиніана, оставались въ большинствѣ случаевъ вѣрными ей. Они пользовались полною автономіей и, окруженные сарацинами и лонгобардами, мало рассчитывали на помощь Византіи въ борьбѣ за свою независимость. Они охотно терпѣли протекторатъ Византіи, такъ какъ онъ давалъ имъ несмѣтныя выгоды въ торговомъ отношеніи, открывая имъ путь въ греческія моря и гавани. Но иного рода отношенія установились между лонгобардскими княжествами и Византіей. Беневентъ, Капуя и Салерно признали сюзеренитетъ послѣдней во время внутреннихъ неурядицъ и подъ давленіемъ сарацинскихъ набѣговъ. Но лонгобарды помнили свою независимость и смотрѣли повтому на свой вассалитетъ очень легко. Они не намѣрены были изъ-за какой нибудь присяги стѣснять свою воинскую удачу, а высокоуміе Византіи, называвшей ихъ своими рабами²⁾, было ужъ очень оскорбительно. Поэтому они то и дѣло подстрекали Калабрію и Апулію къ возстанію и сами пользовались имъ, какъ нельзя лучше. Въ 921 г. по наущенію Ландольфа Капуанскаго въ Калабріи вспыхнулъ бунтъ; стратигъ Іованнъ Музалонъ (или Урсалеонъ), возбуждившій всеобщую ненависть своимъ управленіемъ, былъ убитъ при Асколи³⁾, и Ландольфъ завладѣлъ

¹⁾ *Vita S. Nili* comment. praevius, c. 13: *Erat regulus quidam, quem comitem vocant in regionibus illis, durus ac nimium inhumanus..... servituti subiecit animum cujusdam, qui ad illum monasterium..... pertinebat.*

²⁾ *Lindprandi Legatio* c. 15: *principes autem, Capuanum scilicet et Beneventanum, sancti nostri imperii olim servos...*; c. 27: *... ut cognoscant..... quam periculosum sit servos... servitutem effugere....*; c. 36: *principibus..... servis meis...*

³⁾ *Lupus Prot.* sub a. 921; *Cedrenus II*, p. 355.

всѣмъ югомъ полуострова. Императрица Зоа призвала на помощь противъ своихъ подданныхъ и вассаловъ сицилійскихъ арабовъ¹⁾, которые навели ужасъ на всю южную Италию до самаго Рима. Зоа во время отреклась отъ этихъ чрезчуръ усердныхъ союзниковъ, которые тотчасъ же обратили свое оружіе противъ грековъ. При Декапийѣ патрицію Бозьмъ удалось склонить Ландольфа къ миру и къ возврату захваченныхъ земель. Въ 929 г. тотъ же Ландольфъ и Гваймаръ Салернскій снова вторглись въ Апулію²⁾. Въ союзъ съ ними находился Тедвальдъ, герцогъ Камерино и Фриула, который холостилъ всѣхъ плѣнныхъ грековъ и отсылалъ ихъ стратигу, обѣщая въ будущемъ прислать еще большее количество этого, дорогаго сердцу императора, товара³⁾. Къ этой кампаніи относятся побѣда Гваймара надъ стратигомъ Аванасіемъ при Базентіелло⁴⁾. Война длилась нѣсколько лѣтъ, и, наконецъ, въ 935 г. Византія обратилась за помощью къ королю Верхней Италиі, Гугову. Она прислала ему хеландіи, 1500 всадниковъ, машины, деньги, драгоценныя подарки⁵⁾. Результатъ этого союза неизвѣстенъ, какъ и вообще изъ исторіи этого времени извѣстны лишь отрывочныя факты. Въ 940 г. хроники отмѣчаютъ большую битву между лонгобардами и стратигомъ Иногалаптомъ⁶⁾; въ 947 г. осаду Куперсанума Платиподомъ⁷⁾; въ 950 г. осаду Асколи греками⁸⁾. Въ 955 г. во время войны съ арабами, Византія стянула многочисленныя войска въ Калабрию подъ начальствомъ Аргирія, и тогда всѣ бунтовщики, подданные и вассалы, сложили оружіе⁹⁾. Не надолго: лонгобардскіе князья привѣтствовали Оттона, какъ мессію.

¹⁾ *Cedrenus* II, 354, 355.

²⁾ *Lupus Prot.* sub a. 929.

³⁾ *Antapod.* IV, 8.

⁴⁾ *Chron. Salern.* c. 158.

⁵⁾ *De Cerimonis* II, p. 660 и сл.

⁶⁾ *Lupus Prot.* sub a. 940.

⁷⁾ *Id.* sub a. 947; *Ann. Barennes* sub a. 949.

⁸⁾ *Lupus Prot.* sub a. 950.

⁹⁾ *Rambaud* p. 448.

Византийское господство колебалось еще отъ вѣдннхъ причинъ. Калабрія, сосѣдка Сициліи, была безпрестанно подвержена сарацинскимъ набѣгамъ. Села пустѣли и истреблялись пламенемъ, и только изрѣдка укрѣпленные города могли противостоятъ натиску арабовъ¹⁾. Жители открытыхъ селеній спѣшили въ города²⁾, а незащищенные церкви и монастыри строились изъ дерева и глины³⁾, чтобы меньше отдать въ руки невѣрныхъ. Населеніе находилось въ постоянномъ физическомъ и нравственномъ напряженіи; оно пускалось на хитрости тамъ, гдѣ нельзя было отстоять себя силою; войны переродѣвались, напримѣръ, въ сарацинское платье⁴⁾, чтобы обмануть непріятеля. Набѣги были очень часты. Въ 902 году Ибрагимъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся Аглабитскихъ халифовъ, отрекся отъ престола и рѣшился окончить свою жизнь въ священной войнѣ; завоевавъ въ Сициліи послѣдній клочекъ византийскихъ владѣній, Тауромену, онъ переправился въ Калабрію и почти безпрепятственно дошелъ до Козенцы. Внезапная смерть остановила его разрушительное шествіе⁵⁾. Въ 913 году Ибнъ Коргобъ, эмиръ Сициліи, врагъ Фатимидскихъ халифовъ, свергнувшихъ въ 910 году послѣдняго Аглабита, объявилъ христіанамъ священную войну; сарацинскій флотъ разграбилъ Калабрію и вернулся домой, нагруженный богатой

¹⁾ *Vita S. Nili* I, 2: Rossano.... vastata universa provincia cunctisque urbibus reductis in potestatem colluvionis Sarracenorum, solum adhuc effugerit illorum perniciem.

²⁾ *Ibid.* IV, 29: Cum vero suis incursionibus totam peragrassent Calabriam impii Agareni... devastassentque omnia.... omnes ad obvia castella confugiebant.

³⁾ *Ibid.* X, 72: Permite, inquit, ut oratorium construam maximum et pulcherrimum: neque enim sequo animo fero videns illud a luto factum.... De oratorio laborem noli suscipere, futurum quippe est, ut illud impii Agareni demoliantur.

⁴⁾ *Ibid.* IV, 30: equites decem vaniebant, habitu, armatura, fascioliis capiti circumpositis et reliquo cultu sarracenicis.... agnovit Pater castelli cives, ut locum tutarentur ita compositos.

⁵⁾ *Ann. Barenses* sub a. 902 *Lupus Prot.* sub a. 901.

добычей и множеством пленных¹⁾. Разрушеніе арабской крѣпости на Гарильяно (916) было большимъ счастьемъ и для греческихъ провинцій. Нѣсколько лѣтъ сицилійскіе сарацины, занятые внутренними раздорами, не тревожили Калабрію; когда, наконецъ, въ 917 г. на островѣ водворился порядокъ, Зоя заключила съ арабами договоръ, по которому обязалась платить ежегодно 22 тысячи золотныхъ монетъ²⁾. Вскорѣ миръ превратился въ союзъ: Зоя обратилась къ сицилійскому эмиру за помощью противъ возставшихъ лонгобардскихъ князей (921). Эмиръ не заставилъ просить себя дважды. Когда Византія, увидя, что зашла слишкомъ далеко, расторгла союзъ съ сарацинами, они напали на Калабрію и Апулію. Эта война продолжалась долго и была чрезвычайно опасна для Византіи. Въ 923 г. арабы взяли Реджію, въ 924 г. они укрѣпились на С. Агатѣ, въ 925 г. захватили Орію³⁾, въ 927 разграбили Тарентъ⁴⁾ и Отранто, всю Апулію и беневентское герцогство. Въ эту же войну у арабовъ былъ грозный союзникъ: славяне грабили берега Адриатическаго моря; одинъ изъ ихъ предводителей, Михаилъ, овладѣлъ Сипонтомъ⁵⁾, а Симеонъ, царь болгарскій, въ союзѣ съ Фатимидами собирался взять Константинополь⁶⁾. Благодаря энергіи и ловкости Декапина, въ Южной Италіи наступили, наконецъ, миръ и спокойствіе, не прекращавшіеся пока Сицилію терзали междуусобія. Византія тайно и явно поддерживала смуту, помогая врагамъ законнаго правительства, и пользовалась неурожайными годами, чтобы обогатиться на счетъ арабовъ, продавая имъ за громадную цѣну хлѣбъ, купленный за безцѣнокъ у своихъ-же поданныхъ. Въ 950 г. порядокъ въ Сициліи былъ восстановленъ, и сара-

¹⁾ *Rambaud* p. 410.

²⁾ *Sedrenus* II, p. 355; *Murai* p. 493.

³⁾ *Ann. Barense* sub a. 925; *Lupus Prot.* sub a. 924.

⁴⁾ *Ann. Barense* sub a. 929; *Lupus Prot.* sub a. 927.

⁵⁾ *Ann. Barense* sub a. 928; *Lupus Prot.* sub a. 926.

⁶⁾ *Sedrenus* II, p. 354; *Даламскій*, О славянахъ въ Малой Азіи, въ Азривъ и въ Испаніи, p. 207.

цины потребовали уплаты дани и выдачи перебѣжчиковъ. Константинъ VII отказалъ¹⁾. Война началась набѣгомъ сицилійскаго эмира на Калабрию. Греки собрали громадное войско, но полководецъ притѣснялъ своихъ, калабрійцевъ, хуже враговъ. Не удивительно поэтому, что, не смотря на многочисленность, греки потерпѣли поражение и попросили у арабовъ перемирія. Въ 956 г. военные дѣйствія возобновились; арабы вторглись въ Калабрию, греки напали на Сицилію. Буря близъ Палермо уничтожила почти весь арабскій флотъ, послѣ чего враги заключили миръ; хотя побѣда и осталась за греками, они продолжали платить дань. Миръ не нарушался вплоть до Никифора Фоки, который отрядилъ въ 966 г.²⁾ въ Сицилію флотъ подъ начальствомъ Мануила и Никиты. Походъ окончился смертью одного и плѣномъ другаго военачальника.

Такимъ образомъ, въ половинѣ X в. зданіе, воздвигнутое Византіей, трещало по всей линіи. Но ловкая византійская дипломатія не дремала: она выигрывала на одномъ полѣ сраженія то, что теряла на другомъ. Въ то самое время, какъ ея престижъ въ Южной Италіи начиналъ застилаться туманомъ, въ Средней и Верхней Италіи онъ блисталъ такъ ярко, какъ никогда прежде со временъ Юстиніана. Все, что совершалось въ эту эпоху въ политической исторіи Италіи прямо или косвенно связано съ Византіей. Въ 926 г. феодалы Верхней Италіи свергли съ престола Рудольфа Бургундскаго и предложили корону графу Гугону Арелатскому. Отважный и хитрый Гугонъ понималъ, что, если не трудно получить корону, то еще легче лишиться ея. Онъ началъ, поэтому, съ того, что сблизился съ иностранными дворами. Важнѣе всего было для него «сдѣлать свое имя извѣстнымъ отдаленнымъ Ахейцамъ»³⁾. Онъ отправилъ въ Константинополь посольство, во главѣ

¹⁾ Впрочемъ, къ этой войнѣ относится извѣстіе *Lupus Prot. sub a. 951, Malachiano fecit proelium in Calabria cum Sarracenis et cecidit; Cedrenus II, p. 354 и сл.; Rambaud p. 414.*

²⁾ *Cedrenus II, p. 353; Legatio c. 43; Lupus sub a. 965.*

³⁾ *Antipod. III, 22.*

котораго стоялъ отецъ дипломата Лиудпранда. Въ 935 г. Византія прибѣгла къ помощи Гугона противъ возставшихъ лонгобардскихъ князей, а въ 941 г. соединилась съ нимъ для уничтоженія Фраксинета. Это была разбойничья колонія, на провансальскомъ берегу, основанная въ 888 г. испанскими сарацинами¹⁾. Число колонистовъ постепенно увеличилось отъ наплыва новыхъ выходцевъ изъ Испаніи, и они стали принимать участіе въ междуусобіяхъ провансальцевъ. Въ скоромъ времени сарацины сдѣлались ужасомъ всего берега отъ Альпъ до города Авви (Эксъ), на который они производили неоднократныя нападенія²⁾. Въ началѣ 40-хъ годовъ X в. они стали беспокоить и Италію, предпринимаемая набѣги на жителей склоновъ Морскихъ и Коттійскихъ Альпъ³⁾. Чтобы избавиться отъ нихъ, Гуговъ обратился (941) за помощію къ Византіи⁴⁾. Посломъ его былъ отчимъ того же Лиудпранда. Онъ попросилъ хеландій съ греческимъ огнемъ, чтобы напасть на арабовъ съ моря; самъ же онъ хотѣлъ вторгнуться въ Фраксинетъ съ суши. Императоръ Лекапигъ отвѣчалъ, что готовъ помочь, если король выдастъ свою дочь замужъ за его внука, сына Константина VII, Романа II. Гуговъ, у котораго не было законныхъ дочерей, обратилъ на это вниманіе императора, думал, что онъ возьметъ назадъ свое предложеніе. Но Романъ Лекапигъ, оттого-ли, что желалъ унижить Константина VII, или оттого, что, какъ говоритъ Лиудпрандъ⁵⁾, у грековъ не смотрятъ на происхожденіе матери, настоялъ на бракѣ: дочь Гугона, Берта, въ православіи Евдокія, была отправлена въ Константинополь и чрезъ нѣсколько лѣтъ обвиняемая съ Романомъ. Лекапигъ-же послалъ (942) корабли съ греческимъ огнемъ: уничтоженіе разбойничьяго гнѣзда въ Фраксинетѣ было въ интересахъ Византіи, такъ какъ сарацины вредили ея торговлѣ. Греческій

¹⁾ *Antapod.* I, 1—4.

²⁾ *Ibid.* II, 43; IV, 4.

³⁾ *Ibid.* V, 9.

⁴⁾ *Ibid.* V, 9.

⁵⁾ *Ibid.* V, 14.

флотъ сжегъ арабскія суда; итальянскій король напалъ на Фраксинетъ и разрушилъ его. Арабы бѣжали въ горы¹⁾, и Гугову, казалось, ничего не стоило уничтожить ихъ. Но измѣнившіеся политическія условія побудили короля пощадить ихъ; онъ отвелъ имъ новыя мѣста для поселенія въ горахъ на границѣ Швабинъ и Италіи. Въ 944 г. Константинъ VII произвелъ дворцовую революцію; онъ отнялъ престолъ у сыновей Романа Лекапина, Стефана и Христофора, и провозгласилъ себя самодержцемъ Византіи. При этомъ переворотѣ ему содѣйствовалъ посланникъ Гугона, Сигфридъ, который, собравъ всѣхъ итальянцевъ, находившихся въ Константинополѣ, явился къ нему на помощь²⁾. Отчасти въ благодарность за это, отчасти же вслѣдствіе родственныхъ связей, Константинъ VII принялъ близко къ сердцу судьбу молодого сына Гугона, Лотаря, съ которымъ Беренгаръ, избранникъ національной итальянской партіи, обращался крайне дурно, съ цѣлью унижить его въ глазахъ народа³⁾. Лотарь обратился съ жалобой въ Константинополь, и Константинъ VII прислалъ Беренгару письмо, въ которомъ рекомендовалъ ему заботиться о благѣ вѣрннаго ему провидѣніемъ короля. Такъ велико было уваженіе, которымъ пользовалась тогда Византія, что Беренгаръ счелъ нужнымъ оправдать себя и послалъ для этого въ Константинополь своего молодого секретаря, Лудпранда (949)⁴⁾. Впрочемъ, это посольство не имѣло важнаго значенія, такъ какъ Лотарь вскорѣ умеръ. Вліяніе Византіи было не менѣе сильно и въ Средней Италіи. Въ то время, какъ въ Верхней Италіи царствовалъ Гуговъ, въ Римѣ господствовалъ Альберихъ, въ лицѣ котораго стремленіе римской аристократіи къ партикуляризму достигло своего высшаго выраженія. Болѣе 10 лѣтъ шла между Альберихомъ и Гугономъ борьба изъ-за обладанія Римомъ, и, хотя погустественный самъ по себѣ, Альберихъ искалъ еще поддержки

¹⁾ *Antap.* V, 16.

²⁾ *Ibid.* VI, 21.

³⁾ *Ibid.* VI, 2.

⁴⁾ *Antap.* VI, 3 и сл.

въ Византіи: онъ хотѣлъ жениться на греческой принцессѣ¹⁾; бракъ однакоже, не состоялся—неизвѣстно, почему. Сынъ Альбериха, папа Іоаннъ XII, затѣявшій непослѣдную борьбу съ Оттономъ I, также вошелъ въ сношенія съ Константинопольскимъ правительствомъ²⁾.

Благодаря этой непрерывной связи съ Италіей, у Византіи образовались опредѣленные воззрѣнія на политическія отношенія полуострова. Ея *primū desiderium* было установить въ Италіи равновѣсіе мелкихъ государствъ и препятствовать возникновенію одного сильнаго. Понятно, поэтому, что она должна была встрѣтить враждебно Оттона I, горевать о паденіи Беренгара и плакать о потерянной свободѣ Рима³⁾. Но, если выкинуть внимательнѣе въ политическую исторію того времени, то станетъ ясно, что идеалы Византіи во всемъ сходились съ стремленіями итальянскихъ князей къ партикуляризму. Этимъ, по нашему мнѣнію, объясняется вліяніе Византіи.

III.

Разсматривая скорбные листы исторіи Великой Греціи въ X в. мы видѣли тамъ, гдѣ нѣкогда раздавалась проповѣдь Пивагора и Эмпедокла, все однообразныя картины — непрерывные сарацинскіе набѣги съ ихъ обыкновенными деталями, сраженіями, осадами, пожарами и грабежомъ. Мы видѣли и другія войны, войны грековъ съ лонгобардами, лонгобардовъ между собою, и мы нашли имъ объясненіе въ политическихъ условіяхъ полуострова. Всмотримся теперь поближе въ сарацинскіе набѣги и попытаемся выяснитъ ихъ внутреннее значеніе. Въ былое время, когда историки все содержаніе и весь смыслъ исторіи видѣли лишь во внѣшнихъ,

¹⁾ *Bened. Chron.* с. 34. (SS. III, p. 717).

²⁾ *Historia Ottonis*, сс. 6—7.

³⁾ *Legatio*, passim.

бывшихъ прямо въ глаза событіяхъ, когда явленія, требующія для своего развитія цѣлне вѣка, ускользали отъ нихъ, хотя-бы и очень напряженного, вниманія, тогда можно было бы ограничиться констатированьемъ фактовъ убійствъ, пожаровъ и насилій. Тогда забывали культурное значеніе войнъ, забывали, что посредствомъ ихъ идеи, знанія и матеріальныя блага, выработанныя цивилизаціей одного народа, распространялись среди другихъ. Теперь сдѣлалось ходячей истиной, что войны Александра Македонскаго были въ сущности пропагандой эллинизма на востокъ, что Наполеонъ I пронесъ идеи французской революціи по другому, европейскому, востоку. Такимъ же общеизвѣстнымъ положеніемъ сдѣлалось культурное значеніе арабовъ, распространившихъ огонь и мечомъ свои владѣнія по берегамъ Средиземнаго моря. Наша задача будетъ заключаться, такимъ образомъ, не въ томъ, чтобы доказать, что арабы могли имѣть культурное вліяніе, — что было бы совершенно излишне, а въ томъ, чтобы выяснитъ, оказала ли арабская культура какое нибудь положительное воздѣйствіе на греческое населеніе Южной Италіи въ X в.? При этомъ нашимъ исключительнымъ руководителемъ будетъ служить біографія св. Нила¹⁾; она, быть можетъ, приведетъ насъ къ одностороннимъ выводамъ, но за то вполне удовлетворитъ тѣмъ вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ составляетъ главную цѣль настоящаго изслѣдованія.

Совершенно невѣрно было бы утверждать, что между сарацинами и южноитальянскими греками не было другихъ сношеній, кромѣ войнъ и насилій всякаго рода. Мало по малу между смертельными врагами установились связи чисто мирнаго, даже дружественнаго свойства; эти связи вызывались взаимными интересами и вслѣдствіе этого не прерывались даже частыми враждебными дѣйствіями. На первомъ планѣ стоятъ торговля сношенія и военные союзы, о которыхъ мы говорили выше. Но и помимо этихъ рельефныхъ фактовъ, есть много данныхъ, свидѣтельствующихъ объ извѣстномъ сближеніи враждующихъ

¹⁾ *Acta Sanctorum*, Sept., VII.

сторонѣ. Важно только то обстоятельство, что первые шаги къ сближенію принадлежали нападающимъ — арабамъ. Не смотря на свой ярко вспыхивавшій по временамъ фанатизмъ, сарацины были сравнительно очень вѣротерпимы. Они допускали пребываніе въ своей средѣ христіанскаго духовенства, которому не рѣдко удавалось, путемъ дружественныхъ или родственныхъ связей, выпрашивать отпущеніе на волю плѣнныхъ едновѣрцевъ ¹⁾. Мало того, на государственной службѣ у арабовъ состояли христіане; они занимали высокія должности и пользовались уваженіемъ и довѣріемъ своихъ повелителей ²⁾. Чисто рыцарскій характеръ, который отличался какой нибудь Саладинъ, не былъ его личнымъ свойствомъ: біографъ св. Нила говоритъ, что ия святаго пользовалось уваженіемъ и у нечестивыхъ арабовъ ³⁾; сицилійскій эмиръ предложилъ Нилу выставить на своемъ монастырѣ его горбъ, чтобы обезопасить себя и своихъ отъ насилія со стороны сарацинскихъ воиновъ ⁴⁾. Изъ всего этого ясно, что нѣтъ основанія говорить о слѣпой, необузданной ненависти арабовъ къ христіанамъ.

¹⁾ *Vita S. Nilii* X, 68: Vlatto (Βλάττων) metropolita olim ex Africa veniens cum multis captivis, eo quod amicus illi esset quodam tempore Sarracenorum rex, praetextu, quod regis uxor esset metropolitae soror, licet re vera non esset, appulit ad litos Rossani...

²⁾ *Ibid.* X, 70:.... misitque Ponormum cum epistola ad notarium dynastae ibi morantis Christianissimum et maxime piom. Is vero legit epistolam dynastae, quem vocant Amiram.

³⁾ *Ibid.* II, 14: tantam consuetus est gloriam et honorem.... non modo a Christianis regibus et principibus, patriarchis et pontificibus sive nostris, sive externis, sed etiam ab infidelibus tyrannia, Sarracenorum dynastis. Cfr. I, 5.

⁴⁾ *Ibid.* X, 71: et cum interpretationem quoque addidisset admirabili epistolae, obstupuit ille (Amira) beatissimi viri sapientiam et prudentiam, agnovit enim illum Dei amicum et omnis probitatis plenum. Quoniam igitur virtus etiam apud hostes venerationi est, produxit monachos et honorifice tractavit, jumentum tamen retinuit ad rei memoriam, de qua posset gloriarı, dimisitque eos cum pecunia, insuper largitus multas cervinas pelles, addensque epistolam ejus modi ad Patrem: Quod monachi tui male habitı fuerint, erratum est tuum, cum tu mihi ab initio non innotueris: quod si fecisses, ego tibi meam tesseram misissem, quam si foris appendisses in platea nulla tibi fuisset necessitas recedendi e tuo monasterio, aut quamvis minimam pati turbationem.

Наоборотъ, у христіанъ мы видимъ совершенно противоположныя чувства. Повидимому, мирныя сношенія не повліяли на взгляды христіанскаго населенія; оно отличалось гораздо большею нетерпимостью и фанатизмомъ. Къ евреямъ, которыхъ въ Великой Греціи въ то время было очень много, относились съ такимъ же презрѣніемъ и озлобленіемъ, какъ вообще вездѣ въ средніе вѣка. Св. Нила полагалъ, что несправедливо казнить одного христіанина за убійство одного жидка, такъ какъ кровь перваго стоитъ крови семи жидовъ¹⁾. Къ сарацинамъ же южноталыанскіе греки относились, если не съ презрѣніемъ, то, во всякомъ случаѣ, съ страшною ненавистью: св. Нилъ называлъ ихъ исчадіями змѣй, рекомендуя по возможности сторониться отъ нихъ; они, молъ, увлекаютъ въ свои сѣти, чтобы потомъ высосать христіанскую кровь²⁾.

Рядомъ съ нетерпимостью въ греческомъ населеніи замѣчается другая черта — стремленіе къ аскетизму. Это видно, вопервыхъ, изъ множества монастырей, сѣтью раскинувшихся по всей странѣ. Во вторыхъ, о сильномъ аскетическомъ направленіи всего общества свидѣтельствуетъ возможность появленія такой личности, какъ святой Нилъ. По передовымъ людямъ націи можно всегда судить о томъ умственномъ теченіи, которое въ данный моментъ преобладаетъ въ ней. Если лучшіе писатели — романтики или реалисты, если первостепенныя ученые занимаются одного рода науками преимущественно предъ науками другаго рода, то съ большей или меньшей вѣроятностью можно судить о направленіи всего об-

¹⁾ *Vita S. Nili* V, 36: *Opportebat quidem vos conscios juxta legem quoque ferre sententias, quae plectendum jubet Christianum unum pro septem Judaeis. Aut ergo sex alios tradant Hebraei de suis occidendos pro eo, qui crucifigendus est, aut si vobis omnino constitutum est pervertere optimas leges, detur Judaeis ad crucifigendum ille, quem ad vos mitto cum litteris.*

²⁾ *Ibid.* X, 69: *Ubi ergo archiepiscopus aperuisset ei cuncta sui cordis consilia, dixit ad eum Pater: Audi, reverendissime, consilium meum, nec amplius revertere ad viperarum genimina; nam post multas blanditias et honores tuam ebibent sanguinem, gladio te perimentes.*

щества. Точно такъ же и въ религиозной области появленіе Лютера свидѣтельствовало о преобладаніи въ цѣломъ народѣ духа религиознаго протеста, а Лойола былъ выразителемъ религиозной реакціи романскихъ народовъ. Такимъ же передовымъ человѣкомъ былъ св. Нилъ: изъ всѣхъ своихъ современниковъ онъ одинъ оставилъ болѣе или менѣе глубокой слѣдъ. Чтобы спасти свою душу, онъ отрекся отъ міра и всю свою жизнь посвятилъ умерщвленію плоти и борьбѣ со страстьми во всѣхъ ея проявленіяхъ. Онъ достигъ въ этомъ отношеніи совершенства; его знали и уважали далеко за предѣлами Великой Греціи; къ нему приходили на поклоненіе герцоги и императоры (Пандульфъ Капуанскій и Оттонъ III).

Св. Нилъ выдѣлялся изъ массы посредственностей, которые вѣстѣ съ нимъ дѣлали одно дѣло. Много было монаховъ, давшихъ обѣтъ смиренія, цѣломудрія, нищеты, и, однакоже, какъ далеки были они отъ св. Нила! Монахи любили золото и вкусныя яства¹⁾. Они были до того мало стойки относительно обѣта цѣломудрія, и встрѣча ихъ съ женщиной ввѣдиль ввнушала св. Нилу столь сильныя опасенія, что онъ велѣлъ своимъ монахамъ ходить всегда вдвоемъ²⁾. Въ женскомъ монастырѣ нашли молодого монаха въ объятіяхъ монахини³⁾. Монахи, требовавшіе отреченія отъ земныхъ благъ, сами горячо стояли за принципъ собственности: за кражу монастырскаго коня виновнаго поражала молнія⁴⁾, или же чудо не допускало злоумышленника

¹⁾ *Vita S. Nilii* I, 7:... coepitque obtrahere monachis et sexcenta convicia in monasticum jactare nomen, auro, inani gloriae, ventrique deditos appellans: et unius, inquit, lebetis culinæ eorum totum me stantem cum hoc equo pars media caperet.

²⁾ *Ibid.* X, 67: Ex eo tempore statutum habuit, ut nec sibi, nec fratrum cuiquam, solis ire permitteret. Melius enim est, inquit, duos esse quam unum: et, Væ soli, quia cum ceciderit, non habet sublevantem se.

³⁾ *Ibid.* XII, 80: Mox postridie deprehensus fuit presbyter concubens cum sorore diaconissæ, et divulgata res est per totam illam civitatem.

⁴⁾ *Ibid.* X, 69: Quem (equum) furatus est quidam et abiit. Quam vero, eunte illo, coortus esset turbo, ex equo descendens, subquadam arbore stabat, expectans serenitatem aëris, et fulgur e coelo lapsum percussit mise-

совершить кражу¹⁾). Въ то время, какъ монашество вообще не могло отречься отъ плотскихъ инстинктовъ, какъ земля слишкомъ притягивала его къ себѣ, св. Нилъ весь ушелъ изъ этого міра туда, въ заоблачное пространство. На женщину, онъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ и отвращеніемъ, предпочитая одному разговору съ ней ласки змѣи. Одно появленіе женщины въ монастырѣ распространяется, по его словамъ, зловошіе²⁾). Съ точки зрѣнія своего идеализма, внушавшаго ему, что этотъ міръ — вѣстилище всего дурнаго и что блаженство возможно лишь внѣ его, онъ утверждалъ, что не слѣдуетъ принимать мѣръ къ защитѣ Калабріи отъ вторженія арабовъ и не нужно выкупать плѣнныхъ на волю: напротивъ, тѣлесныя страданія полезны, потому что спасаютъ человѣка отъ грѣха³⁾). Ригоризмъ Нила дѣлалъ его часто безсердечнымъ и жестокимъ. Въ одномъ монастырѣ братія слушала за обѣдомъ игру на гитарѣ; Нилъ предсказалъ игумену близость

rum et oreo transmissit, quod non audiverit dicentem: Damnum inferre justo non est bonum. Qui furabatur jam non furetur, magis autem laboret operando manibus suis, ut habeat unde tribuat necessitatem patienti.

¹⁾ *Vita S. Nili* X, 70: Miles quidam profectus est animo furandi equum e Monasterio, et quum sol fere jam occideret, et ille e regione monasterii staret illudque oculis prospiceret noctem expectans, ut nocturno tempore tenebratum opus efficeret. Quum vero tota illa nocte perambulasset, numquam potuit monasterio propinquare, sed incidens in prærupta et rupes inaccessible, satis ponarum et laboris passus est: ubi vero illuxit, monasterium ante se vidit.

²⁾ *Ibid.* V, 39: Alio tempore cum Pater abesset, virgo quaedam venit in monasterium, ut eum alloqueretur: nec sciebat, *malle illum aspidis commercium*, quam mulieris colloquium. Et cum fratres omnes quiete in cellis morarentur et neminem illa vidisset in ecclesia, ingressa est et oravit. Ut ergo fratres egressam viderunt, conquesti de illa sunt, quod præter consuetudinem fecisset. Et illa, ubi rescivit Patrem abesse, confestim abiit. *Reversus.... Pater.... cepit fratres.... increpare ac dicere: tales vos estis monachi, quos una mulier adveniens eluserit et vestram ecclesiam foetore opplevit?*

³⁾ *Ibid.* X, 69: de pace autem Calabriae ne labores nec præces effundas, hoc enim universorum Domino non placet: Tunc fratris metropolitæ filius, Vides, inquit,.... quot animas... liberavit? Non animas, sed corpora liberavit. *Prodest autem pluribus et corporum afflictio, quibus libertas multorum malorum fit ansa.*

бары небесной¹⁾). Племянникъ святаго напился воды изъ церковной чаши: аскетъ такъ сильно его возненавидѣлъ, что бѣдныя съ горя заболѣлъ и умеръ²⁾).

Какая глубокая разница между св. Ниломъ и остальной массою! Съ перваго взгляда кажется, что они относятся взаимно, какъ идеалъ къ дѣйствительности. Но это только съ перваго взгляда. Анализируя воззрѣнiя и нравственные принципы Нила, мы сейчасъ увидимъ, что великiй аскетъ только дитя своего вѣка. Даже болѣе, онъ дитя своего сословія. Куда дѣвалось его отрицаніе всего земнаго, когда дѣло идетъ объ интересахъ его сословія, монашества! Не слѣдуетъ заботиться о безопасности Балабріи, но самъ онъ «уступаетъ гѣвву божьему» и уходитъ съ монахами подальше отъ бѣды³⁾. Не нужно выкупать плѣнныхъ; а когда три монаха попались въ плѣнъ, онъ спѣшитъ нагрузить коней золотомъ и драгоценностями и отправить въ Сицилію, чтобы выкупить плѣнныхъ⁴⁾).

¹⁾ *Vita S. Nilii* XII, 85: invenit autem eundem hegumenum cum primariis monasterii majoris lotum et prandentem in cenaculo. Cum igitur Vir sanctus illum expectaret in ecclesia una cum sociis fratribus, audit ingressum esse citharistam fidibus canentem in cenaculo. Tum ad socios beatus Nilus: mementote, inquit, verba mea, fratres; non tarde in hos venit ira Domini.

²⁾ *Ibid.* XII, 82: ... cumque aquam haurire ad bibendum vellent, ille sacrum calicem protulit et immodica nitoris metalli voluptate omnes abrepti in eo biberunt. Quod beatus vir cum rescivisset, ira in illum exarsit et post multas increpationes, ita illum aversatus est, ut ne alloqueretur quidem.... Ille vero frater moerore increpationis oppressus et aversatione Patris confectus, in gravem morbum delapsus est. quo etiam decessit.

³⁾ *Ibid.* X, 72: Hoc videns beatus pater noster Nilus, praesago suo oculo, volensque irae Dei cedere, noluit abire in Orientis partes... sed maluit degere inter Latinos.

⁴⁾ *Ibid.* X, 70: Per illud tempus impiorum Agarenorum incursione devastante Calabriam et omnia depraedante, sanctus pater Nilus in arcem se contulit cum fratribus, ibique tuto morabatur: tres vero segregati ab illis manserunt in monasterio, captique sunt a Sarracenis et abducti in Siciliam. Quos tamen beatus Pater non negligendos existimavit, sed requirendos, ut propria membra et suo loco restituendos. Collecto igitur ex fromento, vino et aliis fragibus nummos aureos usque ad centum dedit cuidam fratri probatissimae fidei cum jumento, quod acceperat a Basilio Calabriae stratego, misitque Panormum.

Нѣкоторые принципы Нила столь же далеки отъ евангельской морали, какъ онъ самъ далекъ отъ христіанна апостольскихъ временъ. Свокорыстное отношеніе къ нравственнымъ принципамъ, эксплуатированіе ихъ не минуло и великаго отшельника. Какой то лонгобардъ укралъ коня; его поймали съ поличнымъ и привели къ Нилу; святой отпустилъ вора и, не смотря на ропотъ братіи, подарилъ ему краденнаго коня, «чтобы выполнить одно изъ апостольскихъ дѣяній»¹⁾. Слѣдовательно, добро не ради самаго добра, а изъ подражанія. По временамъ, читая его «Жизнеописаніе», невольно думаешь, что имѣешь предъ собою казуистику Фомы Аквинскаго и іезуитскій катехизисъ нравственности. На вопросъ, слѣдуетъ ли поститься и не работать въ субботу или вътъ, Нилъ отвѣчаетъ—и да, и нѣтъ. Нѣтъ, чтобы не подражать манихеямъ и евреямъ, да, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить воскресенье²⁾. Все, что дѣлается во имя Бога, хорошо и не подлежитъ порицанію, даже убійство человѣка³⁾. Черезъ 700 лѣтъ это положеніе будетъ въ болѣе общей формѣ гласить: цѣль оправдываетъ средства. Но лучше всего видно вліяніе среды на Нила въ тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ онъ прибѣгаетъ для спасенія души; онѣ показываютъ, что никакой геній не можетъ стать выше своего вѣка, что, если не въ одномъ, то въ другомъ отношеніи среда накладываетъ на него свою печать. Вмѣстѣ съ Ниломъ спа-

¹⁾ *Vita S. Nilii* XII, 85: Ille Langobardum ad se vocavit et, num, inquit, tu frater, equum hunc vere amas? Et ille, si non amarem, non surripuissem. Tunc Pater illi dono dedit, addiditque ephippium et fraenum, dicens: si amas, accipe et abi... Cumque obmurmurare fratres coepissent, vocavit eos Pater, instruebatque dicens: Discite hoc, fratres, Privari quomodocumque rebus esse a peccatis liberari. An indigni sumus, quod unum caput et nos impleamus ex iis, quae narrantur in Vitae sanctorum Patrum?

²⁾ *Ibid.* XI, 78: Et nos igitur bene facimus non jejunantes in detestationem abominabilium Manichaeorum eo die lugentium et calumniantium Vetus Testamentum, quasi a Deo non datum, non tamen abstinemus ab operibus, ne simus similes Dei interfectores impiis Judaicis Et eos necessario jejunatis praepurgantes vos ad sanctum Resurrectionis diem.

³⁾ *Ibid.*, XI, 77: Unde pro certo habendum, omnia, quod fit propter Deum, bonum esse et non improbandum, nec ipsam occisionem hominis, ut Phinees et Samuel ostenderunt.

сая св. Стефанъ, которій, какъ человекъ менѣе опытный въ аскетической дисциплинѣ, слѣдовалъ во всемъ наставленіямъ своего товарища. Долго училъ его св. Нилъ писаніямъ св. отцовъ и молитвамъ, но обиженный природою Стефанъ никакъ не могъ усвоить себѣ всю науку. Тогда Нилъ, желая испробовать всѣ средства къ спасенію его души, обратился къ физической силѣ¹⁾. Онъ сталъ на каждомъ шагѣ ругать и бить его. Однажды святой спросилъ Стефана: «какіе помысли тревожатъ твою душу»? Стефанъ отвѣчалъ: «никакихъ помысловъ у меня нѣтъ; мнѣ только хочется спать». Услышавъ это, св. Нилъ сдвигалъ стулъ на одной ножкѣ и велѣлъ Стефану, не вставая, сидѣть на немъ. Бѣдный ученикъ отъ усталости засыпалъ въ этомъ положеніи, опрокидываясь вмѣстѣ со своимъ стуломъ и разбивалъ себѣ то лицо, то руки. Нилъ не переставалъ угощать его до самой глубокой старости кулаками. Бывало въ церкви во время обѣдни послышится храпѣнье. «Это вѣрно Стефанъ», скажетъ св. Нилъ, «вытолкайте его за двери, чтобы онъ не заразилъ и насъ своей дурной привычкой». Часто Нилъ выгонялъ его изъ за стола за не совсѣмъ приличные манеры. Что бы ни случилось въ монастырѣ, на бѣднаго Стефана все шипши летѣли; его бранили, точно онъ во

¹⁾ *Vita S. Nili IV, 27: Cum ergo nihil proficeret, tempusque trium annorum iam abisset, secum ipse Pater dixit: Num si meus hic frater esset aut filius, aut certe fratris filius, minime adhiberem convicia et increpationes ad erudiendum? Experiamur et hoc institutionis genus, ne frater incorrectus maneat. Tunc coepit austere cum ipso loqui et per contumelias acrimoniam verbis addere non raro etiam manu percutiebat. Nam cum docere illum vellet consuetas orationes et psalterium, necesse habebat et colaphos illi impingere. Ille vero nihil moleste, sed libens ferre omnia, et probra non devitans et insultationes, quibus eum Pater impetebat. Ex quo factum, ut Deo servante, nullas passus fuerit per diaboli calliditatem tentationes. Nam saepe rogatus a beato Patre, quibusnam cogitationibus vexaretur, respondebat: se nullas habere cogitationes, sed nimia tantum somni oppressionem torqueri. Tunc fecit Pater illi scamnum uno pede constans et ait: Tu, quidem, duos pedes habes et scamno est unus: ecce tres pedes: ita sedens meditationi operam dabis. Ille accepto hoc mandato, nulla deinceps alia sede utebatur, quam scamno illo... sed somno plerumque victus cadensque in terram modo brachium, modo sibi faciem perfringebat.*

всемъ виновать. «Ни минуты не было у него покоя и отдыха во всю его жизнь»¹⁾. Не смотря на это, или, какъ хочеть біографъ св. Нила, вслѣдствіе этого, Стефанъ относительно послушанія дѣлалъ такія же чудеса, какія атлеты древности въ тѣлесной гимнастикѣ: св. Нилъ потому и называлъ его атлетомъ. Онъ безпрекословно исполнялъ всякое приказаніе своего учителя. Чисто солдатской субординаціей дышали его послѣднія минуты, когда онъ, по сигналу св. Нила, приподнялся, благословилъ всѣхъ, легъ и испустилъ духъ²⁾.

Предшествующій анализъ показалъ, что св. Нилъ былъ весь продуктомъ своей среды. Ясно, что и окружающая его масса была груба и малоразвита; ясно, что и аскетизмъ Нила могъ быть только высшимъ проявленіемъ носившихся въ обществѣ идей.

Нетерпимость и аскетизмъ — вотъ двѣ черты міровоззрѣнія греческаго населенія южной Италиі, которыя намъ удалось добыть. Откуда онѣ? Причину ихъ слѣдуетъ искать опять таки во влияніи среды, условій времени и мѣста. Обѣ черты христіанско-эллинскаго населенія объясняются, намъ кажется, его пассивностью, пассивностью и физической, и ум-

¹⁾ *Vita S. Nili* XIV, 94: «tu athleta es et martyr, ego enim tortor tibi ram». Hoc autem dicebat Senex, quia in senectute etiam colaphos illi infligebat: sciebat quippe, illum certatorem esse et pugilem, illoque utebatur tanquam dolabra aut simili instrumento in contumaces et impatientes. Nam si quando in ecclesia fratrum quempiam complexus esset somnus et sterteret, dum lectio haberetur et magnus Pater exponeret, ipse Beatus quasi ignorans sciebat: Qui stertit, procul dubio, Stephanus est; ejicite eum foras, ne nos doceat pravam consuetudinem. Saepe etiam a mensa illum pepulit cum probris et contumeliis tamquam incondite comedentem; eos corrigens qui id peccabant. Denique quicquid delicti fiebat per universam fraternitatem, Stephanus increpabatur quasi omnium reus. Nec satis hoc erat, sed etiam quando cum fratribus ad operam laboremque se conferebat, senex ipse et septuagenario major et incurvatus prae senio variisque morbis, non se erigebat in messe aut in arva per totum diem, et sordidissimum quodque aut laboriosissimum opus per illum fiebat; sane quietem, aut relaxationem toto vitae suae curriculo quaecumque in re non est expertus.

²⁾ *Ibid.* *ibid.*: Quiesce jam, inquit, quia vires te deficient. Et ille decubens quievit, servato obedientiae studio in ipso mortis articulo.

ственной. Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что сарацины всетаки представлялись христіанамъ въ видѣ разрушителей и неумолимыхъ враговъ. Но гораздо важнѣе то обстоятельство, что арабы являлись представителями совершенно иной культуры, развѣдавшей христіанство. Въ X вѣкѣ арабы усильи уже давно высвободиться изъ узкихъ рамокъ корана и вкусить плоды античной философіи и реальныхъ знаній. Они накиннулись съ чисто юношескимъ пыломъ на невѣдомое до тѣхъ поръ древо познанія, и у нихъ началось умственное движеніе, которое, по своимъ основамъ, было вполне тождественно съ позднѣйшимъ гуманизмомъ. Это умственное движеніе имѣло то значеніе, что переносило человѣка съ неба на землю; мѣсто идеализма заступалъ реализмъ. Вооружившись философіей и знаніями античнаго міра, переработанными въ семитическомъ горнилѣ, арабы сдѣлались учителями христіанской Европы. Вслѣдъ за ними въ этомъ отношеніи шли евреи, бывшіе, такимъ образомъ, одновременно и торговцами, и научными посредниками. «Іудей Домпулъ», говоритъ нашъ біографъ ¹⁾, «извѣстный своей ученостью и опытностью во врачевномъ искусствѣ», предлагалъ св. Нилу лекарства, не будучи, съ своей реалистической точки зрѣнія, въ состояніи постигнуть идеализмъ отшельника, умерщвлявшаго свою плоть. Нилъ отвѣчалъ, что не нуждается въ человѣческихъ лекарствахъ—отвѣтъ совершенно правильный съ точки зрѣнія аскета.

¹⁾ *Vita S. Nili VII, 50:...* Iudaeus quidam, Domnulus nomine, qui notus illi erat a prima aetate, quod esset admodum studiosus et in medendi arte non vulgariter doctus. Coepit ergo ad patrem ita dicere: Audivi de aspera vivendi ratione, qua te excerces, magnaue abstinentia, et mirabar, sciens corporis tui habitudinem, quod non esses lapsus in epilepsiam. Ergo si lubet, dabo tibi pharmacum temperamento congruens, ut posthac toto vitæ tuæ tempore nullum pertimescas morbum. Et magnus Pater; Unus, inquit, ex vestris Hebraeis dixit nobis: Bonum est confidere in Domino, quam in homine. Nos igitur confidentes nostro medico Deo Domino nostro Jesu Christo, non indigemus pharmacis a te confectis.

На крайней оконечности Италіи столкнулись, слѣдовательно, два радикально противоположныхъ міровоззрѣнія — реалистическое, основанное на наслѣдіи древняго міра, и идеалистическое христіанское. Первое изъ этихъ міровоззрѣній врывалось насильно въ христіанскую жизнь, подкапывалось подъ нее, стараясь подорвать ее въ корнѣ. Чуждые элементы формально вызвали христіанство на бой: еврей предлагаетъ св. Нилу диспутировать о Богѣ, и Нилъ отказывается, рекомендуя ему предварительно отправиться на 40 дней въ пустыню¹⁾. Христіанство должно было принять мѣры къ защитѣ.

У насъ въ Россіи въ XVII в. православіе было въ такомъ же пассивномъ состояніи предъ наступавшимъ католицизмомъ. Оно также должно было, если желало сохраниться неприкосновеннымъ, стать въ оборонительное положеніе. Оно прибѣгло къ наиболее дѣйствительной тактикѣ, какая только возможна: оно взялось за оружіе своего врага, за его схоластику, за его богословіе. Въ результатъ явилась Кіевская Духовная Академія. Но русское православіе XVII в. имѣло то преимущество предъ греческимъ христіанствомъ X в., что могло воспользоваться опытомъ семи столѣтій, полныхъ религіозныхъ войнъ и богословскихъ споровъ. Эллинское христіанство не было подготовлено для борьбы съ врагомъ на его же почвѣ. Поэтому оно дало ему отпоръ, уйдя въ себя, доведя до крайности свое ученіе и выставивъ его во всей рѣзкости.

Таковы, по нашему мнѣнію, причины, какъ нетерпимости, такъ и аскетизма. Если мы освѣтимъ этотъ тезисъ съ другой стороны, то увидимъ, что византійско-христіанская культура въ

¹⁾ *Vita S. Nilii VII, 51: Dic nobis aliquid de Deo, cupimus enim audire tuos sermones. Cui Pater.... si... cupis modicam quid de Deo audire, accipe Prophetas cum lege et veni in eremum, ubi et ipse remotus dego, et postquam ibi lectioni vacaveris tot dies, quot Moyses in monte, tunc interrogato.... Responderunt illi simul: Hoc facere non possumus, ejiciemur quippe e synagoga et nostri lapidibus nos obruent.*

X в. могла выставить плотину для защиты отъ волвъ новой культуры.

Само собою разумѣется, что эта реакція, какъ и вообще всякія препятствія, воздвигаемыя здоровымъ, жизненнымъ идеалъ, была бесплодна. Античная мысль оказала свое дѣйствіе впоследствии, въ эпоху перваго возрожденія, и тѣ мѣста, гдѣ подвизался св. Нилъ, стали колыбелью Фридриха II.
